

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ОКЕАНСКИЙ
ПАТРУЛЬ

Океанский патруль

Валентин Пикуль

**Океанский патруль. Книга
первая. Аскольдовцы. Том 1**

«ВЕЧЕ»

1954

Пикуль В. С.

Океанский патруль. Книга первая. Аскольдовцы. Том 1 /
В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1954 — (Океанский патруль)

ISBN 978-5-4444-9078-5

Великая Отечественная война — на море! Здесь сражаются и против врага, и против беспощадной стихии. Здесь — ТРУДНЕЕ и ОПАСНЕЕ, чем на суше... И важно помнить одно — каждого из героев Северного флота помнят и ждут на берегу. Это — «Океанский патруль». Первый роман Валентина Пикуля. Одна из лучших военных саг XX столетия!

ISBN 978-5-4444-9078-5

© Пикуль В. С., 1954
© ВЕЧЕ, 1954

Содержание

Океанский патруль. Книга первая. Аскольдовцы. Том 1	6
Глава первая	7
Дорога на север	7
В лапландских тундрах	13
Приход «Аскольда»	17
Капитан «Аскольда»	21
На берегу – в гостях	25
Бухта Святой Магдалины	30
«Я не смертник!..»	34
Господин во фраке	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валентин Пикуль Океанский патруль. Книга первая. Аскольдовцы. Том 1

* * *

© Пикуль В. С., наследники, 2011

© Пикуль А. И., составление, комментарии, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Океанский патруль. Книга первая. Аскольдовцы. Том 1

Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти воспитавшего их капитана первого ранга Николая Юрьевича Аврамова посвящает автор эту свою первую книгу

КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ...

Над ними низко присевшее небо, в натруженных бортах – стоны железа от натиска волн, а на высоких мостиках – закутанные до глаз в меха, резину и кожу – стоят молчаливые люди.

Они уходили из гаваней, как правило, по ночам, уходили в сумятицу тревожных всплесков, навстречу рвущимся от Шпицбергена ветрам, и промозглый мрак океана надолго поглощал их в своем безлюдном пространстве.

Они возвращались обратно в родные гавани, как правило, на рассветах, исхлестанные соленой пеной, с разломаченными снастями, и глыбы голубоватого льда сумрачно мерцали на их покатых палубах.

КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ...

Иногда они не возвращались совсем. Девушки-радистки (наши славные девушки в матросских блузах), побледнев от усталости, день за днем выстукивали в эфир знакомые позывные. Они плакали порой – ведь им не отвечал не только корабль океанского патруля: это не отвечал «он», ее любимый, которого она встретила и полюбила здесь, на этом диком заполярном берегу.

Но военный океан умел хранить свои тайны. Проходили недели, иногда и долгие месяцы, прежде чем волны, словно сжалившись, выбрасывали на берег осколок шлюпочного борта или капковый жилет, на спине которого можно было прочесть всего три буквы «КОП» —

«КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ».

Глава первая

*Так возникло смутное начало
Далекого и трудного пути.
Да, нас изрядно море покачало...*

Юрий Инге

Дорога на север

Промозглый осенний мрак нависал над скалистыми тундрами. Эшелон «14-бис» пересекая Полярный круг и, осыпая искрами паровоза чахлые ветви придорожных берез, двинулся дальше – на север, на север...

В тесных озерных лощинах нудно посвистывал ветер; внизу, под высокой насыпью, тревожно поблескивала стылая болотная вода. Эшелон скрежетал тормозами на крутых уклонах, звонко лязгал тарелками буферов, хриплый гудок его растекался над тундрой – широко и протяжно.

Замыкая состав, в конце длинной цепи тряских теплушек тяжело мотался на поворотах единственный пассажирский вагон. В желтоватых потемках внутри вагона колебались угловатые тени багажных полок, а съежившиеся от холода люди походили на большие узлы, кое-как разбросанные повсюду.

В четвертом купе всю ночь не гас свет; плотные шторы на окне были опущены наглухо, и табачный дым висел под потолком голубыми пластами.

Лейтенант флота Артем Пеклеванный, подложив под голову мягкий парусиновый чемодан, зашнурованный по-корабельному, полудремал, полубодрствовал. Под резкими ударами ветра скрипел расшатанный оконный переплет, похрапывали горные инженеры, едущие в Хибины, плакал ребенок в соседнем купе.

Эшелон, набирая скорость, с лязгом и грохотом рвался на север – в сторону фронта, в сторону океана.

И лежа на жесткой вагонной полке, лейтенант думал о том, что его ждет впереди.

«Что?..»

Но почему-то каждый раз, когда он задавал себе этот вопрос, перед его глазами вставала карапасная палуба миноносца, щупальца обледенелых орудий, неустанно следящие за горизонтом, а в ушах росло и ширилось тонкое пение корабельных турбин. Пеклеванный уже видел себя на мостике корабля, бороздящего в глухую полярную ночь морскую пустыню, что пронизана тревогой и ветром. Тревогой и ветром...

А пока – нет ничего: вместо палубы миноносца – мерно вздрагивающая полка вагона, вместо грохота залпов – дробные перестуки колес.

Пеклеванный еще не воевал. Перед самой войной окончил военно-морское училище и с тех пор служил на кораблях Тихоокеанского флота. Когда началась война с Германией, лейтенант подавал рапорт за рапортом с просьбой перевести его на действующий флот. На любой – только бы воевать! Но в те дни гитлеровцы уже подходили к Сталинграду, и широкотрубные серо-голубые японские крейсера типа «Микадо» начали появляться вблизи советской морской границы. И лишь когда была разгромлена армия Паулюса, а горизонт Тихого океана сразу после этого очистился от дымных японских иероглифов, командование уважило просьбу лейтенанта: он получил назначение на Северный флот.

И вот – едет...

– Кан-да-лакша! – пропел в конце коридора чей-то голос. – Поезд простоит две минуты... На станции есть кипяток...

Кипяток! Это слово в те дни произносилось почти с благоговением. Каждый, кто странствовал в теплушках, помнит эти военные этапы, когда глаза искали сначала не название станции, а выразительную надпись, накарябанную на доске паровозным углем: «Кипяток».

Лейтенант встал. Он был невысок ростом, но зато широк в плечах. Острые загорелые скулы выступали на его лице, выбритом по флотской манере до блеска. Он толкнул клинкет двери в сторону и, мягко ступая, вышел в коридор. Повсюду лежали и сидели солдаты резервной Полярной дивизии.

Переступая через спящих, Артем добрался до конца вагона и распахнул дверь. Уши сразу заломило от гула железа, ходившего под ногами, свежо пахло запахами осенней тундры. Ухватившись за поручни, лейтенант перевесился наружу, пытаясь разглядеть в темноте приближающуюся Кандалакшу. Но кругом – ни единого огонька, ни единого домика; семафоры светили тускло.

Война...

Неожиданно разъехались на стрелках рельсы, во тьме печально протрубил рожок, и поезд ворвался на станцию. Мимо поплыли изогнутые шеи водоналивных колонок, смутно забелели вокзальные пакгаузы. Какие-то люди, крича, бежали за вагоном, подбрасывая на спине уродливую поклажу.

Быстрым шагом прошел на посадку матросский отряд. Не проронив ни слова, матросы шли плотно сомкнутым строем – под твердым шагом гудела платформа. Перед глазами Артема мелькнули взвихренные ленты бескозырок, матовым глянецом блеснуло оружие, и матросы исчезли во тьме, внося в вокзальную суматоху спокойствие и какую-то настороженность.

Война торопила людей. Не прошло и минуты, как ударил гонг, издали донесся свисток, и перегруженный состав, лязгая буферами, отшатнулся назад, точно пробуя силы. И в тот же момент дверь тамбура содрогнулась под ударами кулаков:

– Эй! Плацкартный! Открывай!..

Лейтенант рванул дверь, и сразу же несколько рук поставили на площадку женщину среднего роста, закутанную в белый шерстяной платок. Потом, уже на ходу поезда, в тамбур кинули тяжелый бумажный сверток. Артем подхватил его на лету, а новая пассажирка звонко крикнула в сторону уплывающего вокзала:

– Вы – хорошие парни! Желаю вам удачи на промысле!..

С перрона ей что-то ответили, и женщина, рассмеявшись, повернулась к Пеклеванному.

– Спасибо вам, – сказала она, принимая от него сверток.

Проводник близоруко осмотрел билеты и, погасив фонарь, буркнул:

– Четвертое купе налево... Спать негде, придется сидеть...

– Я могу уступить вам нижнюю полку, – предложил Пеклеванный.

– А вы?

– Я только что проснулся, – услужливо лукавил лейтенант.

Еще раз поблагодарив, женщина прошла в вагон...

Отставший от состава матрос с громадным чайником в руках бежал по шпалам, высоко подпрыгивая на рельсовых стыках. «Не догонит», – тревожно подумал Артем, но тот вдруг оказался совсем рядом с тамбуром.

– Ну, ну! Нажми! – крикнул лейтенант.

Матрос рванулся вперед и теперь бежал, держась за подножку.

– Бросай чайник!.. Давай руку!..

Тяжело и хрипло дыша, матрос ответил:

– Мне другой вагон надо. Братва чаю ждет!..

И, забрав в зубы ленты бескозырки, рванулся дальше. Артем неотрывно следил за ним, пока тот не догнал свою теплушку. Там у него приняли чайник (лейтенанта рассмешило, что сначала – чайник), потом в бушлат матроса вцепилось сразу несколько дружеских рук, он повис в воздухе и, болтнув ногами, исчез в вагоне.

* * *

Ранним утром эшелон подошел к озеру Имандра – озеро тянулось слева целую сотню верст, то исчезая вдаль, то вновь приближаясь к самой железнодорожной насыпи. А справа, покрытые искрометными шапками снегов, величаво поднимались к небесам Хибины. Здесь эшелон двигался медленно, подолгу стоял на полустанках, уступая дорогу идущим на юг товарным составам. Встречные поезда обдавали воинский эшелон паром и грохотом, волоча за собой тяжелые платформы, груженные кировскими апатитами.

На одной из таких стоянок Пеклеванный долго бродил по перрону, потом купил стакан вялой прозрачной морошки и вернулся в купе. Было еще рано, но женщина уже проснулась и, сидя на нижней полке, пыталась заново упаковать свой разломаченный пакет.

Кивнув на столик, где дымился стакан чаю, она сказала:

- Попробуйте. Наверное, еще не остыл.
- Спасибо. Могу предложить морошку.
- Нет. Благодарю. Осенняя ягода – на любителя...

Артем принялся завтракать, поглядывая в окно, где солдаты эшелона облепили ближайшие сопки, собирая в котелки бруснику. Шипение Имандры и гудение ветра, дующего с хибинских отрогов, едва слышались в купе.

Женщина старательно возилась с пакетом. Желая завязать разговор и не зная с чего начать, Артем заметил:

- Небольшой же у вас багаж в дорогу. Просто позавидуешь.
- А я не люблю таскаться с вещами, – ответила спутница, как показалось Артему, даже сердито. – Здесь только книги... Послушайте, лейтенант, – спросила она, – может, у вас найдется бечевка?

Бечевка у лейтенанта нашлась, и он сам взялся помочь женщине.

– Мы, моряки, – похвастал Артем, – мы это умеем лучше женщин. И узлы, которые мы вяжем, загадочны, как людские судьбы...

– Не хвалитесь, пожалуйста, – улынулась женщина, – я морские узлы вяжу ничуть не хуже вашего. У меня муж – моряк...

Пеклеванный взялся за дело обстоятельно. Он распутал пакет от бумаги и увидел, что в нем лежит несколько экземпляров одной и той же книги.

– «Промысловая разведка в Баренцевом море в условиях военного времени», – прочитал Артем вслух и почти восхищенно добавил: – Война длится всего два года, а кое-кто, оказывается, уже приобрел опыт ловли рыбы в военных условиях...

– Кое-кто, – снова улынулась женщина, закуривая папиросу.

– А вы случайно не библиотекарь? – спросил Артем.

Спутница, немного помедлив, вскинула на Артема серые глаза, не сразу ответила:

– Нет. Я как раз автор этой книги. Прошу только не счесть это признание за нескромность. Это уж как бы в порядке знакомства...

– Вы? – недоверчиво спросил Артем. – Странно...

– Ну да. А что же тут странного? Я работаю в Опытном институте рыбного хозяйства, – почти официально ответила она.

– Тогда позвольте взглянуть, – робко попросил лейтенант.

– Пожалуйста, только дарить не буду. Это вам совсем неинтересно...

Повернув к себе серую невзрачную обложку, Пеклеванный сначала прочитал имя автора: «Кандидат биологических наук И. Рябинина». С любопытством перелистав несколько страниц, он хмыкнул.

В книге было много карт, чертежей, фотографий рыбных косяков, над которыми кружились птицы.

Артем невольно удивился: ведь это же чисто мужская работа, требующая от человека морских навыков, упорства, смелости. Он внимательно взглянул на спутницу и мысленно попытался увидеть ее в грубой штормовой одежде на скользкой обледенелой палубе траулера, но не смог. Как-то упорно не умещалось в сознании – эта женщина и ее профессия.

– Вы знаете, – сказал лейтенант, машинально взглянув на цену книги и покраснев при этом, – как-то даже не верится... Вы, женщина, и – вдруг... Извините, но о чем хоть говорится в этой книге? Что изменилось в промысловой разведке? Ведь рыбе-то все равно – воюют люди или нет?

– Рыбе-то все равно, это справедливо, а вот рыбакам-то нашим далеко не все равно. И сколько траулеров с нашими парнями уже нашло себе могилу на старых довоенных банках...

– Занятно! Может, расскажете подробнее?

– Это слишком долго рассказывать.

– Да ведь и времени-то у нас много. А мне послушать вас будет очень интересно...

– Ну, что ж... Есть такой траулер «Аскольд», – задумчиво начала Рябинина. – Еще в сороковом году он обнаружил большую рыбную банку. Война же заставила искать рыбу там, куда раньше траулеры совсем не заходили. Сам капитан «Аскольда» не раз говорил мне...

В дверь постучали. «Да, да!» – и в купе вошла женщина; на плечах ее было накинуто старенькое выцветшее пальто, на ногах топорщились разбитые, заплатанные валенки. Большие горящие глаза, обведенные тушью усталости, резко выделялись на бледном лице. И было видно, что эта женщина совершила утомительный путь и этот путь еще не кончился: все впереди, впереди...

– Простите, – сказала она, – у вас, кажется, есть кипяток. Для дочери мне...

– Пожалуйста, пожалуйста! – спохватилась Рябинина. – У нас целый чайник.

– Сахар, – кратко предложил Пеклеванный. – Берите.

– Спасибо! Моя дочь капризничала ночью, мешала вам, наверное?

– Ничего, ничего...

Кипяток тонкой, перекрученной в винт струей бежал в большую кружку, на дне которой плавилась куски сахара. Рябинина, с сочувствием посмотрев на незнакомку, продолжала:

– Ну, так вот... Капитан «Аскольда» не раз говорил мне, что еще до войны собирался закинуть трал в пустынном районе моря. И на том самом месте, которое пользовалось у рыбаков дурной славой, он вдруг снял небывалые «урожаи» рыбы. Жирной, нагулявшейся рыбы. Сначала это сочли просто за удачу, потом туда потянулись другие капитаны, и теперь эта рыбная банка так и называется: «Рябининская».

Кружка была уже наполнена кипятком, но соседка по купе не уходила.

– А я ведь знаю Рябинина, – тихо сказала она. – И траулер «Аскольд» знаю тоже... Где он сейчас?

– «Аскольд» сейчас в море, – неуверенно ответила Рябинина, – но он скоро вернется... А вы к кому?

– Я к мужу. Он на «Аскольде». Тралмейстером...

– Вы что-то путаете. Аскольдовский тралмейстер – Платов. Григорий Платов. А как фамилия вашего мужа? Может, он на другом траулере?

– Никонов, – чуть слышно ответила женщина.

Тревога и растерянность – вот что успел заметить Пеклеванный на лице Рябининой, когда она услышала эту фамилию – Никонов.

– Я из Ленинграда, – досказала женщина. – Вот... вырвалась из блокады, осталась жива... Еду к нему!

Рябинина посмотрела куда-то в пол, разглядывая, казалось, рваные валенки женщины.

– Знаете, – осторожно сказала она, – может, я и ошибаюсь. Вы, когда прибудем в Мурманск, обратитесь в управление Рыбного порта... Но я помню, хорошо помню, что такой тралмейстер Никонов когда-то плывал на «Аскольде»...

Когда Никонова ушла, Рябинина призналась:

– Я не хотела огорчать эту женщину, но мужа ее давно нет на «Аскольде»; он ушел добровольцем воевать на сушу. И где он сейчас – никто из аскольдовцев не знает...

Наступило тягостное молчание. Разговор долго не клеился. Казалось, что эта жена моряка, пришедшая за кипятком, принесла в купе незримую печать своей беды – так человек с улицы вносит в теплую комнату жгучее дыхание мороза. И только когда Артем напомнил: «А что же дальше?» – только тогда Рябинина заговорила снова, постепенно воодушевляясь:

– А рыба там есть! Вы понимаете, лейтенант, теплая ветвь Гольфстрима продвинулась к востоку на целую сотню миль, а вместе с нею продвинулись и косяки рыбной молодежи. На море идет война; корабли и самолеты ежедневно сбрасывают в пучину тысячи тонн взрывчатых веществ. Вполне возможно, хотя это и не доказано, что рыба, пугаясь звуковых колебаний, уходит все дальше в поисках новых кормовых районов. А эту тишину и добротный планктон она найдет на северо-востоке... И я, – тихо, но уверенно сказала Рябинина, – я скоро, наверное, поведу экспедицию тоже на северо-восток...

Они разговорились. Море сблизило их и породнило. Артем узнал, что Ирина Павловна (так звали его спутницу) собирается в конце этой осени уйти в экспедицию; что возвращается она из Архангельска, где печатали ее книгу; спешит в Мурманск, где ее ждет сын Сережка и на днях должен вернуться с промысла муж.

– И когда же вы надеетесь уйти в экспедицию? – спросил Пеклеванный.

– Думаю, через месяц, через два. Надо еще найти и приготовить судно.

– Но ведь на море война... И ваша мирная наука бессильна против торпед и снарядов. Кто оградит вас в открытом море?

– Северный флот, – не задумываясь ответила она и улыбнулась. – Хотя бы вот вы!..

* * *

На одной станции в купе вошел английский летчик, сбитый в недавнем воздушном бою над тундрой. Сам он выбросился с парашютом из кабины горячей «аэрокобры» и упал в болото неподалеку от станции. Солдаты вытащили его из чарусной пади, и теперь он направлялся на свой аэродром.

Англичанин вошел в купе, волоча за собой тяжелый меховой комбинезон, облепленный зеленым болотным цветением. У летчика было приятное лицо с юношеским румянцем во всю щеку и жидкие светлые волосы, гладко зачесанные к затылку. Уши, наверное, были обморожены и шелушились.

Летчик внес в купе едкий запах авиационного бензина и горелой кожи комбинезона. Он и сам, очевидно, понял это и, вежливо склонив голову, обратился в сторону женщины:

– I am sorry to have disturbed you¹.

– That is all right², – ответила Рябинина.

Достав смятую пачку сигарет, на которой была изображена охота на тигра в джунглях, летчик повертел в пальцах сигарету, но так и не закурил. Плечи у него вдруг как-то опустились,

---

¹ Простите, что я помешал вам (англ.).

² Ничего, пожалуйста (англ.).

и он устало закрыл лицо ладонью. Может быть, ему сейчас вспомнилась снежная пыль взлетной площадки, холодный штурвал разбитой «аэрокобры», свистящие языки пламени, рвущиеся из моторов.

И когда он отвел ладонь, то вместо молодежьего лица беззаботного томми Пеклеванный увидел по-стариковски хмурое лицо с плотно стиснутыми губами.

Англичанин провел рукой по волосам и сказал глухим голосом:

– К дьяволу! Здесь могут летать одни русские. Поверьте – это не только мое мнение. Я хорошо знаю, что такое «люфтваффе», и меня уже два раза сбивали. Но это было над Ла-Маншем. Я счастливый – мне повезло и в третий раз. Здесь. Но зато и такой обстановки, как здесь, еще нигде я не встречал... Эти ночи без сна, эти снежные заряды, эти наглые фрицы, которые не сворачивают с курса даже тогда, когда идешь на них в лоб!.. Нет, здесь небо не по мне!..

Он отцепил от ремня плоскую флягу, обтянутую кожей, и ко всем запахам, принесенным летчиком в купе, примешался еще один – запах крепкого ямайского рома. Англичанин вытер губы и, устало махнув рукой, повторил, ни к кому не обращаясь:

– К дьяволу!..

Заметив, что офицер смотрит на него удивленно, летчик подсел к нему ближе и без всяких предисловий, с горячностью и откровением, не свойственными англичанину, заговорил. Он сказал, что немецким самолетам требуется всего три с половиной минуты для того, чтобы подняться с финского аэродрома в Луостари и долететь до Мурманска. Эти месяцы, проведенные им в Заполярье, окончательно измотали его: приходится держать себя в постоянном напряжении. Он летал в полярном небе вместе с русским асом Сгибневым... И, рассказав обо всем этом, летчик неожиданно пришел к мысли, что не понимает советских людей.

– Черт вас знает, – говорил он, опять открывая свою флягу, – где вы находите те выступы, что помогли вам так крепко вцепиться в эту землю!.. Да и стоит ли эта земля того, чтобы так за нее цепляться?.. Может быть, вы слышали про нашего писателя Дева Марлоу? В августе он пришел сюда с караваном транспортов. Так вот, он сказал такую вещь: «Если когда-нибудь придет мир, то пусть он скорее придет к людям Мурманска. Они заслужили его...»

Англичанин рванул комбинезон и закинул его на верхнюю полку.

– Я хочу, – почти выкрикнул он, – чтобы тот, кто не торопится с открытием второго фронта, хоть на один день сел в кабину «аэрокобры» и пролетел над Финмаркеном!.. Пусть он пролетит над Киркенесом, где огонь стоит стеною – плотнее, чем над Лондоном. Эта война – слишком рискованная игра, сэр!..

Артем сунул в рот короткую папиросу, машинально похлопал себя по карманам. Встал.

– Можете курить и здесь, – сказала Ирина Павловна.

– Нет, я решил прогуляться по вагону...

В тамбуре молодой матрос в тельняшке, с перекинутым через плечо куцым казенным полотенцем, торопливо досасывал махорочный окурок.

Дав офицеру прикурить, сказал весело:

– Мурманск уже скоро! – Он сказал это на местном наречии, делая ударение на втором слоге, и это решил запомнить Пеклеванный. – Мурмаши проедем, а там...

Вспомнив высказывание Дева Марлоу: «Если придет мир, то пусть он скорее придет к людям Мурманска», – лейтенант спросил:

– А что, товарищ, это правда, что немецкие самолеты всего в трех минутах полета от Мурманска?

– Да не считал, товарищ лейтенант, – ответил матрос. – Прилетают – это верно. Но мы тоже не в дровах найденные: наши миноносцы огонь откроют, так тут не только «мессершмитты», даже звезды, кажись, с неба летят... К слову скажем, за черникой или по грибы в сопки пойдешь – ну, почитай, в каждом болоте по крылу валяется!

Вагон на повороте качнуло, сильный, упругий порыв ветра распахнул тяжелую дверь. В тамбур косо хлестнули мокрые хлопья снега. С плеча матроса сорвало полотенце, он со смехом что-то сказал, но ветер и грохот колес заглушили голос, и Артем по движению губ понял одно только слово: «Море!»

– Неужели море?..

Лейтенант шагнул к раскрытой двери. Короткий осенний день угасал, и на горизонте, начинавшем по-вечернему меркнуть, проступали только зубчатые очертания сопков, – моря еще не было видно.

Но в этом могучем порывистом дыхании ветра, ставшего вдруг соленым и влажным, Пеклеванный, как моряк, уже почувствовал близость своей судьбы – военного океана.

* * *

Была поздняя осень 1943 года...

В лапландских тундрах

Карл Херзинг, молодой и ладно скроенный горный егерь, нехотя поднялся с койки, поправил в печке дрова. Ефрейтор Пауль Нишец остался лежать: он играл с маленьким пушистым котенком, которого выменял вчера в норвежском лесничестве на две болгарские сигареты. Давая кусать котенку свой большой грязный палец, Нишец лениво приговаривал:

– А ты не кусайся, стерва... Не кусайся, а то я тебе зубы-то вырву!

Херзинг сунул руки в карманы лыжных брюк, спокойно сказал:

– Слушай, Пауль: какого ты черта? Ведь уже двенадцатый час ночи, а ты еще не давал рапорта в Петсамо.

– Ну так что?

– Как «что»? Майор Френк – ты знаешь его лучше меня, – он опять распахнется и пригонит сюда мотоциклистов...

Нишец отшвырнул котенка, встал – длинноногий и худосочный. Потянувшись и широко зевнув, он снова завалился на свой топчан, обитый толстым финским картоном.

– Позвони коменданту сам, – сказал он, опять начиная дразнить котенка пальцем...

Карл Херзинг долго вращал ручку зуммера.

– Сволочи, эти финские шлюхи, – выругался он злобно. – Всегда спят на проводе или болтают со своими земляками из лыжного батальона.

– Покрути еще, – посоветовал ефрейтор. – В такое время линия бывает забита до отказа: офицеры с фронта звонят своим бабам в Лиинахамари или в Киркенес...

Наконец станция ответила, и Херзинг радостно заорал:

– Алло, курносая! Соедини с Петсамо... Да, со штабом кордонной службы... Алло, господин майор? У аппарата ефрейтор Нишец, кордон № 018! – И, прикрыв трубку ладонью, засмеялся: – Ты лентяй, Пауль... Да, да, кордон № 018... Разрешите доложить, господин майор: на кордоне все благополучно, происшествий никаких нет. За сутки прошло мимо кордона сорок шесть машин, из них четыре финские... Да, да, все спокойно. Нет, тихо... Благодарю, господин майор. Спокойной ночи, господин майор...

Херзинг повесил трубку.

– Ты лентяй, Пауль, – повторил он с явным удовольствием. – Сходи хоть – проверь шлагбаум.

– Ты моложе меня, – ответил ефрейтор, – сходи сам...

В одной шелковой безрукавке, без оружия и без каски, солдат толкнул дверь ногой.

– О, черт! – он сразу отшатнулся назад, хватая со стенки тяжелый шмайсер. – Вставай, Пауль! Кто-то перебегает дорогу...

При ярком лунном свете было отчетливо видно, как темные лохматые фигуры перемахивают ленту шоссе и быстро скатываются под крутой откос.

– Обожди стрелять, – сказал Нищец. – Если это не бежавшие из лагеря пленные, то, может быть, финские дезертиры. А они...

– Ты дурак, Пауль! – ответил Карл Херзинг, и в ту же минуту, сотрясая плечи егеря, в его руках запрыгал и дробно забился грохочущий огнем автомат:

«Та-та-та-та... та-та-та... та-та... та-та!»

– Стреляй, Пауль! Это ведь русские!..

* * *

Огненная струя, зигзагом пройдя над головами людей, выстригла верхушки тощих кустарников. Потом унеслись в темноту тундры яркие нити трассирующих пуль и по камням вдруг зашлепало: шпок... шпок... шпок...

– Пригнись, братцы! – выкрикнул кто-то. – Он, паразит, разрывными шпарит!..

Сержант Константин Никонов, замыкая цепочку разведчиков, ободряюще приговаривал:

– Быстрее, ребята! Бегом, бегом надо... Это все – чепуха, проскочим...

Автоматные очереди, пущенные с кордона наугад, почти вслепую, эти суматошные очереди скоро затихли, и отряд снова двинулся шагом.

– Вот дурацкая лощина, – сказал лейтенант Ярцев, – как ни крутись, а через нее всегда вылезает на этот кордон. Ну ладно, на этот раз обошлось...

Ночной мрак поглощал в себе все шорохи, все тени, все опасения. Лейтенант Ярцев (его узнавали в темноте лишь по голосу, ибо он был ничем не отличим от других: сапоги, ватник да каска) выводил своих людей к морю. Кончался очередной рейд по тылам противника, по территории сразу двух государств – Финляндии и Норвегии, рейд страшный, мучительный, рискованный. Тринадцать могил отметили путь отряда, и полярные волки уже воют, наверное, над ними, стараясь лапами разворотить над мертвецами заботливо уложенные камни...

– Костя, – позвал Ярцев сержанта Никонова, – ты помнишь, мы проходили здесь в сорок первом? Тогда нас осталось только двое.

– Помню, товарищ лейтенант.

– Вот и я помню, что где-то здесь мы вляпались в трясину. Я буду немного сворачивать вправо – может, там и нет болота?..

– Только бы не сбиться с пути, – сказал Никонов, взглянув на компас. – Скажите, в каком месте нас будут снимать?

– Как всегда: в бухте Святой Магдалины.

– Там удобное место, хорошая отмель, – ответил сержант, и Ярцев, дружески хлопнув его по плечу, побежал в голову отряда...

Никонов подкинул на спине рюкзак, нащупал перед собой спину впереди идущего:

– Кто это, а?

– Да я, товарищ сержант, – Борька Шухов...

Хрустел под ногами гравий. С обрывистых откосов при любом неосторожном шаге шумно осыпались каменистые оползни. Фирновые зерна скрипели под сапогами тонко и жалобно.

Шли молча. Шли час, шли другой.

В самом хвосте растянутой цепочки людей ворковал хриплый шепоток:

– Товарищ сержант, вы это напрасно думаете, что зайца надо сначала в уксусе вымачивать...

– Шухов, ты потише, – отвечал голос Никонова.

– Да я тихо... Так вот, я и говорю, что заяц и без того хорош. А ежели его еще с печеной картошкой...

– Тихо, я тебе сказал.

– Да с печеной картошкой, говорю. Да еще – маленькую!

– Замолчи, Борька, или я тебя по затылку огрею!..

И вдруг тишину ночи прорезал чей-то испуганный вскрик, впереди послышалась приглушенная брань. Отряд все-таки попал в болото. Никонов схватился рукой за куст, но под ногами у него что-то захрустело (лед! – догадался он), и тело разведчика сразу поползло куда-то в противную вязкую глубину. В лицо ударило застоявшейся гнилью. Кто-то обхватил его за шею – Никонов отбросил эту руку:

– Дурак, не за меня, за кусты хватайся!..

Хрипя, захлебываясь и ругаясь, разведчики барахтались в растревоженном месиве тундровой трясины. Разбитые осколки льда резали им лица и руки.

– Береги оружие! – командовал Ярцев. – Самое главное – автоматы...

Казалось, что здесь и конец. Чем больше дергался человек, стараясь вырваться из гнусного плена, тем больше трясина схватывала его, затягивая в вонючую топь.

– Руку, – молил кто-то, – дай руку!

– Гришка, это ты? Держись за меня, здесь суше...

– Вот кочка. Лезь на кочку...

– Да не ори ты – тише надо!

«Хлюп-хлюп», – чавкала трясина. «Дзинь-крак», – звонко раскалывался лед. Поднимая над собой автоматы, разведчики изнемогали в этой борьбе, когда послышался голос лейтенанта Ярцева:

– Ко мне, ко мне, – здесь уже дно.

Разведчики выбрались из трясины и долго еще лежали плашмя, жадно вдыхая холодный воздух. Пахучая грязь облепляла их одежду, она отваливалась тяжелыми комьями при каждом движении. В сапогах, наполненных водой, скрутились и резали ноги заковрижевшие за эти дни портянки.

– Автоматы при всех? – спросил Ярцев, обходя людей и пересчитывая их. – Десять... двенадцать... четырнадцать со мною. А где же пятнадцатый?

Все притихли, с ненавистью поглядев назад, где под синим светом луны лежала проклятая трясина – кочковатая, взъерошенная пучками острых кустов, взбудораженно бурлящая пузырями, которые с бульканьем лопались на поверхности. А вдалеке темнели острые зубцы гор, и ветер со стороны океана гудел порывисто и тревожно...

Лейтенант Ярцев еще раз пересчитал людей.

– Нет одного, – сказал он, как бы невзначай скидывая с головы каску. – Проклятое болото!

– Борьки нет, – подсказали из темноты, – Шухова нету...

Никонов коротко и судорожно вздохнул:

– Ну всё... А как он жрать хотел, братцы! Всю дорогу о жратве мне молол...

Лейтенант Ярцев подозвал к себе радиста.

– Четырнадцать, – кратко сказал он. – Будешь передавать на базу, скажи – четырнадцать.

Идем к бухте Святой Магдалины. В срок будем на месте.

– Есть, четырнадцать, – ответил радист.

– А ведь еще недавно нас было двадцать восемь, – глухо отозвался кто-то в темноте. – Двадцать восемь, а теперь минус...

Никонов резко остановил его:

– Заткнись ты, математик!..

Радист передал на базу сообщение и по приказу Ярцева утопил рацию в болоте, – теперь она была не нужна: отряд находился уже близко у цели. Лейтенант велел разделить на всех последнюю банку консервов и, включив фонарик, сел в отдалении на кочку – стал внимательно изучать карту.

– Посмотрите по рюкзакам и карманам, – сказал он, – может, у кого-нибудь завалились сухари или галеты. Впереди лежат горы – надо как следует подкрепиться...

Никонов вынул из ножен трофейный немецкий тесак, зажал меж колен пузатую банку с американской тушенкой. Тесак со скрежетом резал чикагскую жуть.

– Подходи, – приказал сержант, на ощупь вставляя тесак обратно в ножны. – Бери каждый для себя...

К нему из темноты подползали на корточках и подходили шумно дышавшие тени разведчиков:

– Рукой брать, что ли?

– Вилку еще тебе. Тоже мне – барин!

– В нашем-то ресторане все больше пальцами...

– Ой, братцы, кажись, много себе зацапал!

– Жаден ты. Отбавь.

Никонов повернулся к Ярцеву:

– Товарищ лейтенант, а вы?

Ярцев погасил фонарь, сложил шелестевшую в темноте провощенную карту:

– Вы там мне тоже малость оставьте.

Помолчал и добавил:

– На доньшке...

Поев и испытывая по-прежнему голод, разведчики проверили оружие, подтянули снаряжение. Никонов закинул в кусты пустую банку.

– Теперь курнуть бы, – буркнул он недовольно.

Быстро – по команде – собрались в путь. Тронулись легким, неслышным шагом. Восьмой день пути – скоро уже конец этому тяжкому рейду. А потом – база: заслуженный отдых, письма от родных, чистые простыни на койках, а может быть, и путевка на курорт в Мурманши.

Хорошая жизнь, честное слово!..

Они уже подходили к морю, когда вдали послышался лай собаки, и две красные ракеты плавно выплыли из-за скалистого гребня, освещая низину.

– Ложись!..

Никонов залег рядом с Ярцевым, сказал:

– Сработал немецкий кордон. Теперь они с собаками возьмут нас.

– Не возьмут, – отмахнулся Ярцев. – Просочимся... Скажи ребятам, чтобы были наготове и не волновались.

– А мы и так не волнуемся, товарищ лейтенант, – ответил из темноты чей-то молодой и задорный голос.

Накрывшись плащ-палаткой, чтобы не было видно света снаружи, Ярцев еще раз взглянул на карту. Это была отличная карта, выпущенная германским генштабом накануне захвата Норвегии: на ней были указаны даже самые малоизвестные горные тропы, и лейтенант выбрал среди них одну, самую трудную, но, как ему казалось, и самую верную...

– А моряки не подведут нас?

– Не знаю, – тихо рассмеялся Ярцев. – Это надо спросить у тебя: ты же сам моряк.

– Вернее – был, – ответил Никонов, и отряд тронулся дальше...

Приход «Аскольда»

Милиционер, растопырив руки, сдерживал толпу наседавших на него женщин.

– Дамочки, дамочки! – кричал он. – Вам русским языком сказано: в порт – нельзя, требуется пропуск...

В ответ ему летели возбужденные женские голоса:

– У, чтоб тебе!..

– Жирная морда!..

– Отъелся в тылу!..

– На фронт иди, крыса!..

Не пропуская женщин, милиционер обиженно кричал, что он был ранен, что его чуть не убили, что он честно отвоевал свое и что он их не пропустит, ибо надо уважать порядок.

И снова:

– Дамочки, дамочки!..

Но «дамочки» опрокинули его и густой толпой повалили в порт. Старая вахтерша, бесстрастно наблюдавшая всю эту сцену, помогла милиционеру отряхнуть шинель и с упреком сказала:

– А ты не шуми, сердешный. Какие они тебе «дамочки»?.. Они женки рыбацкие. Они мужей своих поджидают с промысла. У них, может, подушки от слез не просыхают. Война ведь на море. А ты их к диспетчеру не пущаешь! Дурак ты...

– Вот и всегда так, – обиженно ворчал милиционер. – Ты им все вежливо, а они тебя чуть ли не кулаками... На фронте, кажись, и то легче было, чем с этими бабами!..

– Вот ты и шагай на фронт, – логично рассудила вахтерша. – Благо и фронт-то недалек отсюда: к вечеру доберешься...

Такие сцены повторялись в конторе Рыбного порта изо дня в день. Вот и сегодня, когда в небе еще не успели погаснуть бледные зарницы полярного сияния, в проходной уже стали собираться женщины, молодые и старые, красивые и дурные, некоторые – в пальто, а больше – в ватниках.

Разбухшая от сырости дверь, с веревкой и блоком, заменявшими пружину, поминутно хлопала, впуская внутрь клубы морозного воздуха, а висевшая на веревке балластина тяжело рушилась на пол.

Приходили все новые женщины, и каждая еще с порога спрашивала:

– «Аскольд» не вернулся?..

Вот уже больше месяца траулер «Аскольд» находился в открытом океане на промысле, и эти женщины – матери, жены и сестры рыбаков – несколько дней подряд приходили в контору справляться о судьбе корабля.

Обычно раньше всех появлялась в конторе жена аскольдовского боцмана Мацуты Полина Ивановна, или попросту, как все ее звали, тетя Поля, – высокая дородная женщина с приятным, немного скуластым лицом...

До войны тетя Поля, первая из рыбацек, ходила вместе с мужем в открытое море. Не отставая от мужчин, она голыми руками шкерила на морозе рыбу, часами простаивала в трюмах, посыпая солью тресковые пласты, и за это приобрела среди команд траулеров известность, какая не снилась ни одной рыбацке. В порту даже поговаривали, что Полине Ивановне надо бы служить боцманом вместо мужа – настолько тот был тих, скромн и почти незаметн, настолько сама тетя Поля была энергична, упряма и остра на язык. Но зато для своих рыбацек она была лучше родной матери: к ней они всегда несли свои радости и беды, и Полина Ивановна принимала все близко к сердцу, как свое кровное, наболевшее.

Появляясь в конторе, тетя Поля всегда первым делом просовывала свою голову в окошечко диспетчера.

– Здравствуй, рыжий, – говорила она парню, сидевшему за пультом. – Ты что здесь делаешь?

– Нет «Аскольда», не пришел еще, – каждый раз отвечал диспетчер, стараясь захлопнуть окошечко.

– Не, не, не. Ты это брось. Коли нет «Аскольда», так ты ответь нам – когда он придет.

Сегодня же диспетчер сам заранее высунулся из окошечка и радостно сообщил:

– Тетка Поля, ну и надоела же ты мне! Больше не приставай: ваш «Аскольд» уже входит на Кильдинский плес. Встанет под разгрузку на третьем причале.

Рыбачкам только это и нужно было знать. Они расселись вокруг раскаленной печурки, и тетя Поля, жмурясь от уютного тепла, стала журить пустившую от радости слезу молодую жену машиниста Настеньку Корепанову:

– Ну, чего реवेशь-то? Сейчас встретишься...

– Да я думала, что уже все, – всхлипывала молодуха.

– Чего – «все»-то?

– Погибли...

– Ну и дура, коли подумала так. Ты к разлуке-то привыкай – еще насидишься у окна. Уж такая судьба наша: встретишься, опомниться не успеешь, как уже провожать надо... Эдак-то, говорят, еще и лучше для семейной жизни: разлука для любви, что ветер для огня. Я вон со своим боцманом двадцать три года душа в душу провела...

– Двадцать три года... Это сколько же раз, тетя Поля, провожала ты своего в море? Неужели за всю жизнь не разревелась, а?

Тетя Поля неожиданно рассмеялась:

– У-у, еще как! Бывало, иду провожать, а сама в три горла вою. Думаю, потопнет, проклятый, как я без него жить-то буду!

– Ну, а сейчас?

– Э-э-э, – протянула тетя Поля, – нашла что сравнивать! Тогда-то на ёлах да шняках ходили. Бывало, отойдут от берега, а я смотрю и думаю: «Ну, последний раз проводила». Вот тогда-то я и выла в три горла. А сейчас? Не какая-нибудь гнилая шняка выходит на промысел, а целый завод – им и шторм нипочем.

– Да врешь ты все, тетя Поля! – неожиданно зло сказала одна из рыбачек с худым нервным лицом. – Утешаешь ты нас. Ну, ладно – сейчас вернутся. А в другой рейс – как повезет! Немец ведь такой – он не разбирает: ему что линкор, что рыбацкая посудина – он всех топит! А у меня семеро по лавкам сидят. Потопни кормилец – куда я денусь? Ты у меня хоть одного возьмишь, чтобы кормить?

Тетя Поля немного помолчала.

– А вот тебе, – вымолвила не сразу, – тебе надобно бы и поплакать. Остервела ты без мужа-то! Эвон глаза-то у тебя, как у волка, горят... А что касается сопляков твоих, так не только я, но и любая из нас возьмет. Хочешь – хоть сейчас у тебя всех поотбираем?

Женщина сказала шепотом, словно извиняясь:

– Война ведь в море. Я не со зла. Я от беспомощности. Мы их тут вот ждем-ждем, а они, может быть, уже... Ну, не сейчас, так в другой рейс!

И она вдруг испуганно замолчала. Но, точно угадывая ее потаенные мысли, тетя Поля спокойно возразила:

– «Аскольд» промышляет на Рябининской банке. Это далече. Авось бог и милует. – И, сказав так, она погладила по голове прильнувшую к ней Корепанову...

Рука боцманши, знакомая с суровым мужским трудом, не была грубой и жесткой. Да и сама тетя Поля, несмотря на свой возраст, сохранила в душе много молодого и задорного. Годы,

казалось, не тронули ее, они лишь немного коснулись ее волос да высекли у глаз ласковые, добрые морщинки.

Рыбачки подняли маскировочные шторы, и контора наполнилась серым светом хмурого полярного утра. Широкий рукав Кольского залива тянулся вниз, клубясь волокнами тумана. На рейде дымящиеся буксиры разворачивали тяжелый океанский транспорт, было слышно, как на палубе «купца» тяжело и устало гудел гонг.

Тетя Поля совсем по-домашнему спустила с головы черную шаль и, закрутив волосы крепким узлом на затылке, сказала:

– Да я своего боцмана с Рябининым хоть на край света отпустила бы!..

Издалека послышался резкий и хриплый гудок паровой сирены. Какой-то корабль трубил земле о своем возвращении.

Тетя Поля встала, поправляя платок:

– А вот и он, наш «Аскольд»! Я его по гудку среди тысячи узнаю.

* * *

Из-за крутого скалистого мыса медленно выплывал серый борт траулера. Рваные полосы пепельного тумана плотно окутывали его по самый фальшборт. В глубоких клюзах «Аскольда» тяжело покоились якоря, заиндевелые от штормовой соли.

Корабль неторопливо приближался к причалу, выше марки осев в воду тупым бивнем форштевня. Скоро с его мостика раздался повелительный свисток, и матросы разбежались – каждый на свое авральное место...

Когда траулер закрепился на швартовых, тетя Поля побрела в нос корабля, где, как ей сказали, ее подждал муж. Антон Захарович Мацута не заметил, как она вошла, и, поглядывая в иллюминатор, старательно растирал в тазу твердые комки сухой краски.

Тетя Поля с жалостью отметила, что с каждым рейсом спина мужа горбится все больше и больше. «Вот даже не услышал, как вошла, – с тоской подумала боцманша. – Стареет и стареет...»

Неслышно ступая, она подошла к мужу и обняла его плечи, обтянутые грубой проолифленной рубахой.

– Поленька! – радостно вскрикнул боцман и засуетился, вытирая ветошью перепачканные руки. – Родная моя! Поленька... Ну, ну, что ты! – сказал он, заметив, что она прячет глаза. – Зачем это? Я жив, здоров, чего еще?.. Вот только шаровый колер приготовлю – завтра борт красить надо, весь обшарпался, – и пойдем домой.

Глядя на разбухшие от морской воды сапоги мужа, тетя Поля осторожно, точно боясь чего-то, спросила:

– Может... наплавался? Не пора ли на бережок?..

– Да что ты сегодня, Поленька! – обиделся боцман. – Сейчас-то у меня есть корабль, а уйди я с «Аскольда» – кому нужен боцман Мацута? Тебе? Ну ладно. А другим? Нет! Как хочешь, а пятым тузом в колоде я быть не желаю. Пойдем-ка лучше домой, старуха. Подзакусим чего-нибудь, да я спать лягу. Хочу поспать так, чтобы меня не качало...

– А ты не серча-ай, – ласково потянулась к нему тетя Поля. – Делай как знаешь, только смотреть мне на тебя больно. Не в твоих годах плавать по Студеному морю. Вон как другие поступают: боцман с «Рюрика» Степан Хлебосолов отплавал свое, а когда спина стала плохо гнуться – пошел на берег. Сделался смотрителем навигационных знаков. И живет припеваючи. Сушит ревматизм свой у печки, а считается по-старому – моряком...

Мацута, не отвечая, скручивал козью ножку. Пальцы боцмана – короткие, заскорузлые от соли, с широкими приплюснутыми ногтями – плохо слушались: папироса получалась толстая и кривая, словно корабельная свайка.

Бережливо собрав со стола крошки табаку (Мацута был скуп), он досыпал ими самокрутку и, прикуривая, сказал тихо, но твердо:

– Бесплезный разговор. Ты мою душу, старуха, не стронешь: крепко она приросла к этой коробке. Здесь-то у меня все, а на берегу только ты...

На палубе им встретился мастер по вытопке рыбьего жира, Яшка Мордвинов, неуклюжий парень с широкогубым заспанным лицом. Салогрей волочил большую плетеную корзину с тресковой печеню, а за ним, отчаянно мяуча, бежал судовой кот по прозвищу Прорва.

– Ну, а ты, Яков, каково живешь? – спросила тетя Поля.

– А живу я так, – меланхолично ответил Мордвинов, – что со мной не только девчата, но даже вдовы знакомиться перестали. Весь я ворванью провонял, плохая жизнь наступила... Куда, куда лапу тянешь, прорва ненасытная! – крикнул салогрей на кота и потащил корзину дальше.

У среза полубака стоял, покуривая, худощавый человек с высоким покатым лбом над близоруко прищуренными глазами. Это был помполит «Аскольда» – Олег Владимирович Самаров. Он помог матросу втащить по трапу тяжелую корзину, сказал беззлобно:

– Что, дух ворванный? За рейс не успел, так сейчас печенку в котел тащишь? Ох, и ленив же ты, Яшка!

– Да ну его! – мрачно сказал Мордвинов.

– Кого это его?

– Да вот... этого. Видите, так и бежит за корзиной, товарищ помполит. Чуть отвернешься, он уже тут. Кормить до отвалу пробовал – ничего, нажрется, аж хвост изо рта торчит, и снова лезет. Мешает, товарищ помполит. На берег его, заразу хвостатую, списать надо.

– Скорее тебя спишем. Ты в этом рейсе целых сорок килограммов печени в котле запарол. Драть тебя некому!.. Кис-кис-кис! – поманил к себе Самаров кота, но тот, жалко мяукнув, полез в люк, куда Мордвинов спускал корзину с жирной тресковой печеню.

Олег Владимирович рассмеялся и, помахав стоявшим на причале матросским женам, прошел в командный отсек. В просторной каюте, где жили четверо молодых матросов, гулял холодный солоноватый воздух. Волны, гулко ударяя в железную раковину «Аскольда», разбивались на ветру звенящими брызгами и через открытые иллюминаторы ручьями стекали в никелированные капельницы.

– Встать! – раздалась команда.

– Можно и сидеть, – сказал Самаров, перешагивая через высокий комингс. – Вы не на военном корабле.

Вперед выступил молодой парень. Рыбацкая одежда из синей нанки была на нем вдоль и поперек прострочена толстыми швами, множество карманов различных форм виднелось повсюду.

– Но зато война! – сказал он. Это и был бригадир отличной вахты «Аскольда» Алеша Найденов.

Самаров сел, хлопнул себя по острым коленям:

– Вы что, ребята, вы куда сегодня идти собрались?

– На пироги к тете Поле.

– Правда, – с лукавством выходца из Балаклавы заметил Ставриди, – там у нее разных нравоучений слушаешься, но зато – пироги. Это же вещь, ее есть можно!

– Пироги что надо! – внушительно заметил третий, Савва Короленко, а четвертый, Борис Русланов, промолчал.

– Ну так вот что, ребята, – продолжал Самаров, – пироги пирогами, а сегодня в клубе капитанов производственное совещание... Тебе, Алексей, выступить надо, как первому бригадиру.

– А тралмейстер Платов? Что бы вам раньше сказать. Я только что ботинки свои отдал...

– Кому?

– Да Корепанову, машинеру. Он со своей Анастасией Ивановной в театр сегодня поплывет, так не идти же ему в бахилах! А теперь не выступать же в бахилах мне?..

Дверь в каюту открылась. Все мгновенно вскочили с мест.

– О чем у вас тут разговор? – спросил Рябинин...

Капитан «Аскольда»

После рейса всегда тянуло хорошо пообедать в ресторане – эта привычка осталась у него еще с довоенных времен. Прохор Николаевич Рябинин, сойдя на берег, посмотрел на часы. «Времени в обрез. Жена, наверное, еще не приехала. Домой заходить уже нет смысла».

Он прошел по разгромленной после бомбежек улочке в скромный двухэтажный домик, где разместилось нечто вроде ресторана для иностранных моряков. Старик швейцар помнил лучшие времена и хорошо знал Рябинина еще по междурейсовому дому отдыха моряков, где капитан частенько бывал с женой.

– Милости просим, кэп, – радостно засуетился старик. – Народу немного, пьяных – тоже. И водочка стоит всего восемьдесят пять рубликов сто граммов...

Рябинин прошел в тесный и узкий зал, сел в уголку под запыленной пальмой по соседству с пожилым англичанином в свитере. Перед союзником лежала куча советских денег – одними рублями и трешками. Рябинин, готовясь идти на совещание, водки не заказывал, только взял бутылку пива. Налил стакан пива и англичанину – тот не отказался.

– Я вижу, что вы только что с моря, – заметил он.

– Да, – ответил Рябинин. – Вы это определили по моим рукам?

– По рукам. Эта проклятая соль так въедается в нашу шкуру, что надобно заново родиться, чтобы избавиться от нее.

Рябинину подали солянку – единственное блюдо, которое он позволил себе: капитан не был скуп, но уважал экономию.

– Я рыбак, – просто сказал Рябинин. – Вот только что вернулся и скоро опять уйду в море. Сейчас нам нужно очень много рыбы. Селедка – это такая штука, что она умеет выручать в тяжелые времена...

– А вы не боитесь плавать в такие «тяжелые времена»? – спросил англичанин с иронией.

– А вы? – ответил Прохор Николаевич вопросом на вопрос.

– Нам легче. Наши транспорты охраняют надежные конвои. По три-четыре авианосца на один караван – согласитесь, что это хороший заслон. Война возродила даже умерший класс кораблей – корветы. Они, как жуки, ползают вокруг нас, оберегая транспорты от подлодок. А вот вас, рыбаков, никто не охраняет...

– Пока что плаваем, – усмехнулся Рябинин. – А вы на чем пришли сюда?

Англичанин локтями раздвинул вокруг себя тарелки с объедками, запихнул под салфетку деньги.

– Я пришел в Россию на новеньком десятитысячнике «Виттория». Эти коробки лучше «Либерти». Хотя, впрочем, такое же дерьмо, как и все, что выпускают сейчас для поставок по ленд-лизу...

Рябинин неопределенно пожал плечами: он уже не раз слышал, что транспорты-десятитысячники иногда ломаются на крутой волне пополам, словно сухие палки.

– Риск, – сказал он. – Вы за этот риск получаете проценты к жалованью. У нас же корабли крепкие...

– ...И за риск вам не платят! – подхватил англичанин.

– Нет, – отозвался Рябинин, – не платят... А с чем вы пришли сюда?

– О, я пришел сюда загруженным выше марки. Четыре паровоза только на верхней палубе. А в трюмах – подарки из Америки. Я получал в своей жизни немало подарков. Однажды мне подарили даже крокодила, в желудке у него я нашел двенадцать колец из ноздрей дикарей, которыми он закусил в своей грешной жизни. Но таких подарков я бы получать не хотел. В одном ящике перемешано все: презервативы с шоколадом и ручная граната рядом с детской соской. Вы проиграете войну, если начнете разбирать – кому что лучше подарить!

«Неплохой мужик этот кэп, – подумал Прохор Николаевич. – В другое время и выпить бы с ним не грех...»

– Извините, мне надо идти, – он встал.

Английский капитан протянул ему руку:

– Меня зовут Джеймс Шелдон. Надеюсь, мы еще встретимся.

– Встретимся в море. Это самое лучшее место для свидания.

– Нет, самое лучшее место – здесь! – И англичанин со смехом постучал по столу костяшками пальцев...

* * *

Рябинин немного запоздал – все уже расселись по своим местам. Капитан «Аскольда», пригибаясь в узком проходе и обтирая чужие колени, боком пролезал на свободное место, когда начались выборы в президиум. И сразу весь зал как один выставил его кандидатуру.

– Рябинина!.. Рябинина! – выкрикивали рыбаки, отыскивая глазами его знакомую фигуру.

Кто-то из друзей-капитанов, с присущей морякам грубоватостью шлепнув Рябинина по заду, сказал:

– Иди, иди. Твое место там, а не здесь...

– Рябинина! Капитана с «Аскольда»! – выкрикивали в зале.

Среди промысловиков не было ни одного, кто бы не знал водителя лучшего траулера флотилии. Это Рябинин открывал новые рыбные банки, снимал на них один «урожай» больше другого; это Рябинин водил свой траулер в море, обманывая бдительность немецких подлодок и ловко избегая минных ловушек; это по его траулеру равнялись все промысловые корабли Заполярья. В довершение всего Рябинин был «человек-лоция»: он знал свое море как никто и опускал трал всегда наверняка, точно доставал рыбу не из пучины, а из своего собственного трюма.

– Рябинина!.. Рябинина! – требовал зал.

И вот в проходе между рядами показался капитан «Аскольда». Коренастый, с широко развернутыми плечами, он шел как по палубе корабля, цепко и мягко ставя ноги, обутое в просторные штормовые сапоги, подбитые мехом. На вид ему было лет сорок, но, смотря на его фигуру, от которой так и веяло силой и здоровьем, казалось, что этот человек еще только вступает в жизнь.

Все выглядело на нем свежо и добротное. На груди поблескивал тяжелый орден Трудового Красного Знамени. Лицо капитана, продубленное жгучими океанскими ветрами, имело темно-кирпичный оттенок. Вероятно, поэтому глаза казались особенно ясными и светлыми.

Рябинин шел, слегка наклонив голову, а навстречу ему со всех сторон сыпались приветствия и вопросы:

– Прохор Николаевич, опять полные трюмы?..

– Рябинин, не все море обобрал?..

– Привет Прохору Николаевичу!..

– Сколько, капитан?..

Изредка капитан «Аскольда» отвечал глуховатым голосом:

– Да ну вас! На уху всем хватит...

Поднявшись на сцену, он уверенно сел за стол, положив на красное сукно свои тяжелые, перевитые узлами вен руки. Во всем его поведении – в независимой осанке и в том, как он спокойно разглядывал с высоты сцены притихший зал, – не было заметно ни тени робости или смущения: по всему было видно, что этот человек привык держаться на людях, его не смущают чужие взоры. Рядом с ним сел еще один аскольдовец, выбранный в президиум, – тралмейстер Григорий Платов, молодой быстроглазый парень...

Рябинин слегка поморщился.

– Говорить будешь? – спросил он.

– Буду. Уже обсудили с ребятами – о чем. Олег Владимирович читал – тоже одобрил. Двадцать тысяч центнеров! Так ведь и договаривались.

– Ну, выступай, – сказал Рябинин. – Только короче да попроще. Ты нам тут своей эрудицией не трясись. В прошлый раз стыдно тебя слушать было. Начал с того, что человек произошел от обезьяны, а кончил... Черт знает где кончил!..

– Нет, Прохор Николаевич, – успокоил его тралмейстер. – Я не собьюсь. Я теперь по бумажке буду шпарить...

Совещание началось.

Григорий Платов от имени команды своего корабля сказал примерно следующее:

– Годовой план флотилии выполнила. Одни траулеры рассчитались с государством, другие еще сдают рыбу. Но дело не в этом... Мины, подлодки, бомбежки – все это верно; трал на ощупь вытягиваешь – спички на палубе ночью зажечь нельзя. Но ведь море-то не расстрелять никакими снарядами, а треску за колючую проволоку не посадить... Так вот, товарищи, я призываю команды траулеров бороться за приближение к довоенным урожаям. Мы, матросы «Аскольда», вызываем на соревнование всю флотилию и даем обязательство: выловить к концу года еще десять тысяч центнеров рыбы!..

Сидевший рядом с Рябининым капитан «Рюрика», Павел Алферович Максимов, шепнул с дружеской откровенностью:

– Ну, уж это ты, Прохор, загнул! Десять тысяч, когда до конца года раз плюнуть осталось...

– Ничего, – прогудел в ответ Рябинин, – по-малому бить – только кулак отобьешь.

Неожиданно Прохор Николаевич увидел жену. Она стояла у стены среди аскольдовцев и, заметив, что муж смотрит в ее сторону, помахала ему рукой. «Приехала, вот и хорошо», – радостно подумал он.

А по рядам, мелькая над головами людей, уже шла записка. Пролетев от первого ряда по воздуху, она упала на стол президиума – прямо перед капитаном «Аскольда».

– Вам, – шепнули Рябинину, и он подумал, что это, наверное, от жены. Но на маленьком листке, вырванном из блокнота (такого блокнота у Ирины нет), было написано: «Прошу выйти в коридор. Вы нужны».

Капитан «Аскольда» встал. В какой-то момент он увидел среди множества смотревших на него лиц взволнованное лицо жены. Ирина Павловна пожимала плечами, как бы спрашивая: «Что случилось?»

* * *

В темном коридоре высокий флотский офицер смотрел в окно. Услышав скрип двери, он быстро повернулся.

– Товарищ Рябинин?

– Да, я Рябинин.

Офицер приложил руку к фуражке:

- Контр-адмирал Сайманов просит вас быть у главного капитана флотилии Дементьева.
- Да-а... Но совещание...
- Дементьев ждет вас тоже.
- Добро, – ответил Рябинин.

У подъезда стоял маленький горбатый «виллис». Они сели в кабину, и шофер, захлопнув дверцу, взялся за руль. Подскакивая на ухабах, «виллис» с разгона влетел в извилистые переулки. Узкие щели фар выхватывали из тьмы углы зданий, решетки палисадников, голые деревья на бульваре.

Держась за сиденье, Рябинин спросил:

– Вы не знаете, зачем меня вызывают?

Адъютант ничего не ответил.

«Виллис» остановился у здания управления флотилии. И хотя Прохор Николаевич понимал, что сейчас в его службе произойдет какое-то большое изменение (иначе бы его не вызвали в неурочное время), он оставался по-прежнему невозмутимым и спокойным. Три десятка лет из сорока двух, проведенные в постоянной борьбе с океанской стихией, приучили его относиться ко всем неожиданностям стойко и осмотрительно.

Через минуту Рябинин уже стоял на пороге кабинета главного капитана.

Два массивных стола, обтянутых зеленым сукном, составляли широкую букву «Т». Прохор Николаевич почему-то вспомнил, что знак «Т» по штормовому коду означает ветер до восьми баллов, и капитан «Аскольда», как-то сразу внутренне подтянувшись, приготовился встретить этот сильный ветер.

У стола сидели два человека: один из них – главный капитан рыболовной флотилии Дементьев, а другой – пожилой военный моряк с почти квадратными плечами, на которых тусклым золотом поблескивали адмиральские погоны.

Увидев Рябинина, контр-адмирал встал и, прищурился глазами, внимательно посмотрел на него.

– Вы капитан «Аскольда», – не то спрашивая, не то утверждая, сказал он певучим баритоном. – Читал не раз о вашем траулере в «Полярной правде», а вот видеть не приходилось... Что ж, капитан, до сих пор вы делали большое дело, а теперь будете делать еще большее!

И уже голосом, каким читают на корабле приказы – ровным и твердым, – добавил:

– Имеется приказ Военного совета Северного флота о переводе вашего траулера «Аскольд» в состав действующих военных кораблей.

– Есть! – коротко ответил Рябинин, слегка кивнув головой.

– Командир любого военного корабля, – продолжал контр-адмирал, – должен обладать достоинствами искусного рыболова и предприимчивого следопыта, хладнокровием невозмутимого моряка, здравым смыслом делового человека и если хотите, то даже пылким воображением романиста... Все эти качества мы нашли в вас, товарищ Рябинин. И не только в вас, но и в команде вашего траулера!

Контр-адмирал подал широкую теплую ладонь:

– Ну что ж, давайте познакомимся как следует. Служить нам придется вместе. Начальник Водного района контр-адмирал Сайманов Игнат Тимофеевич.

Капитан «Аскольда» тряхнул протянутую ему руку:

– Рябинин Прохор Николаевич.

– Вот и хорошо, товарищ Рябинин. Только уже надо добавлять: «Командир патрульного судна „Аскольд“».

– Есть!

– Теперь давайте поговорим о деле. Это будет не решающий разговор, но мне все-таки хотелось бы для себя и для вас уяснить несколько вопросов. Траулер «Аскольд» переходит в

состав военного флота. Со всем оборудованием и со всей командой, исключая лиц, которые по своему возрасту не подходят к строевой службе. Есть такие?

– Есть, товарищ контр-адмирал.

– Кто?

– Боцман Мацута.

Сайманов недоволен потер переносицу.

– Вот это плохо... И хороший боцман?

– Боцман первостатейный.

– Хм!.. Первостатейный, говорите... Жаль, жаль! Хороших боцманов мало. Но все равно, придется вашего Мацуту списать на берег, а на его место подготовить другого.

– Есть, товарищ контр-адмирал.

– Завтра поставите «Аскольд» в док для переоборудования под военный корабль. На днях пришлем вам кадрового офицера в помощники. За обучением команды военному искусству – именно искусству! – будут следить флагманские специалисты. Корабль примет от вас военно-морская комиссия. Но... тут маленькое «но». Комиссия, как учит опыт, не имеет ни тела, чтобы быть избитой, и не имеет души, чтобы быть проклятой. Выражаясь проще, воевать предстоит не комиссии, а вам, и тут нужен ваш опытный глаз, товарищ Рябинин...

Когда они закончили разговор, к ним подошел главный капитан флотилии.

Рябинин только сейчас заметил, что капитан уже стар, и тут же удивился, почему не замечал этого раньше, все десять лет до этого дня.

Дементьев по-отечески сурово и нежно взял Рябина за руку:

– Прохор Николаевич, я всегда гордился вами как водителем лучшего корабля. А сейчас горжусь еще больше. Я не скрываю – что и говорить! – мне жалко отпускать вас из флотилии, но я знаю: вы и в рядах военного флота будете...

– Первым, – тихо подсказал контр-адмирал, улыбнувшись.

– Я не то хотел сказать, но пусть будет так!

* * *

Когда Рябинин вышел из управления, со стороны океана дул влажный леденящий ветер. Воя на перекрестках улиц, он перелезал через хребты сопки и уходил кружить в тундру. Где-то далеко-далеко гудели сирены кораблей.

Капитан «Аскольда» стоял на крыльце, нахлобучив на глаза фуражку и подняв воротник выдавшего виды рыжего пальто. Часто вспыхивающая трубка озаряла его лицо с прикрытыми от ветра глазами, впалые щеки и плотно сжатые твердые губы.

Он долго стоял так, не двигаясь, потом спрыгнул с крыльца и, зашагав по улице, свернул в пустынный темный переулок. Переулок наклонно уходил к заливу, и ветер теперь бил прямо в лицо, выдувая из трубки искры, захватывая дыхание.

Это был ветер Студеного моря, ветер штормового ненастья, ветер тревог и странствий – ветер его моряцкой зрелости. И капитан, распахнув пальто, шел навстречу ему – ветру третьей военной осени...

На берегу – в гостях

Возвращаясь с совещания, она шла по темной кривой улочке, когда кто-то взял ее за локоть и выхватил из руки сверток с книгами. Ирина Павловна резко обернулась и облегченно вздохнула:

– Боже мой, как ты меня напугал! Разве так можно?..

Перед ней стоял высокий худощавый человек в широком меховом костюме, какие носят погонщики собак – каюры. Но капюшон был откинут назад, и лихая флотская фуражка сверкала новенькой эмблемой. На лице офицера – энергичном смугловатом лице кавказского горца – резко выделялся большой нос и острый, упрямо выдвинутый вперед подбородок.

– Прости, Иринушка, – сказал он, раскатисто произнося букву «р». – Но я так рад, так рад тебя видеть...

– А я никак не ожидала тебя встретить, – призналась Рябинина. – Мы все думали, что ты еще лежишь в госпитале.

– Пустяки! – неожиданно весело отмахнулся старший лейтенант. – Рана оказалась ерундовой, и я уже был в море... Сейчас в море так хорошо, так хорошо, Иринушка! Вах...

Офицер говорил скороговоркой, с сильно заметным кавказским акцентом.

– Ну как же здоров, если еще хромаешь! – возразила Ирина, беря его под руку. – Кстати, ты чего же скромничаешь? – Она бесцеремонно распахнула на его груди куртку, показала пальцем на один из орденов. – Этот? – спросила она.

– Да, – кивнул он, – этот. Только вчера получил.

– Ну поздравляю. – Рябинина дружески чмокнула его в щеку и со смехом фыркнула: – Боже мой, как ты надушен, словно девчонка!

– Я люблю приятные запахи, – смутился офицер.

Этот офицер, командир «морского охотника № 216», которого звали Вахтангом Беридзе, был давнишним другом семейства Рябининых. Дружба их началась еще до войны, когда в одном из рейсов на «Аскольде» отравились консервами несколько матросов; это случилось вдали от берегов, и «охотник» Вахтанг Беридзе на полных оборотах прилетел на помощь рыбакам, – именно с тех пор офицер и стал своим человеком в семье капитана.

Бережно поддерживая женщину за локоть, Вахтанг Беридзе с увлечением рассказывал:

– Знаешь, в госпитале была такая тощища, что я от безделья, кажется, опять влюбился. Но опять не везет – она не знала, что я встречаюсь ей в жизни, и уже успела выйти замуж. И муж у нее – такой сопливый мальчишка. Сержант-механик с аэродрома. Я перед ним как «витязь в тигровой шкуре»...

– Вахтанг! – смеялась Ирина. – Ты влюбляешься во всех. Ради бога, не влюбись в меня.

– В тебя я тоже был влюблен, но – тайно. Ты об этом, Иринушка, даже не догадывалась... И вот, знаешь, – продолжал Беридзе, – от скуки я снова накинута на английский язык. Все время штудировал одну книжку. Поверишь – даже без словаря...

Они уже подходили к дому, и он заговорил поспешно:

– Эта книга о парусном искусстве... Когда-то, очень и очень давно, человек впервые укрепил над своим челноком камышовую подстилку, а может быть, шкуру убитого им зверя. Челн двинулся быстрее, и дикарь, наверное, закричал от радости. Вот так-то, Иринушка, родилось в этом мире парусное ремесло. Вечная борьба со стихией рождала сильных и смелых людей. Очень много их погибало, но на смену им шли другие – такие же отчаянные и злые. В море всегда человеку было лучше, нежели на берегу. И вот наступил век паруса – золотой век паруса. Ты представляешь, Иринушка, кусок грубой заштопанной материи – и вот эта тряпка двигает корабли, торговлю, цивилизацию...

– Ты романтик, – остановила его Рябинина. – Пойдем домой, мне стало холодно...

Звонок приглушенно прозвучал в глубине квартиры. И вот хлопнула дальняя дверь – едва слышно, другая – ближняя – громче, раздался топот бегущих ног и наконец звонкий юношеский голос спросил:

– Кто?

– Это я, Сережка, открывай! Мы с Вахтангом...

Сын обнял ее на пороге. Но, заглянув через плечо офицера на лестницу, разочарованно протянул:

– А где же отец?

– А что, разве его еще нет? Я думала, он уже дома.

– И не приходил.

– Странно. – Ирина Павловна слегка нахмурилась. – Его куда-то вызвали с совещания и... Ну-ка, дай мне на тебя опереться, – она стала стаскивать боты. – И он больше не вернулся. Наверное, сейчас придет.

Сергей подхватил сверток, и они прошли в полутемную столовую.

– А ну! Дай я на тебя посмотрю... Боже мой, как ты растешь, Сережка! А это что за новость? Никак усы?

Мать засмеялась, а сын смущенно провел рукой по верхней губе, покрытой золотистым пухом. Он стоял перед ней в грубой матросской голландке навыпуск, в вырезе которой виднелась не по годам сильная грудь спортсмена. Засученные по локоть рукава обнажали руки широкой кости, обещавшие быть такими же крепкими, как у отца.

– Ведь я скоро паспорт получу, – сказал Сережка и, потрогав сверток, деловито осведомился: – Книги?

– Да. Хочешь – посмотри...

Вахтанг, взяв книгу, уединился в угол, рассматривая эту книгу почти с благоговением. Сережка же – наоборот – кое-как перелистал книжку и тут же отшвырнул ее. Он уважал и любил свою мать, но к профессии ее относился почти с равнодушием; море в его воображении всегда оставалось просто морем, где люди совершают чудеса мужества и выносливости, но он еще не понимал, что море может быть и попроще для науки.

– Кто-нибудь ко мне приходил?

– Нет.

– Ну, а чем ты занимаешься?

– А вот пойдем – покажу...

В комнате сына топилась печка и было душно от сизого чада. На пылающих углях стояла жестяная банка: в ней что-то плавилось. Проход от кровати до письменного стола загромажили большие тяжелые весла.

У сына была своя шлюпка, построенная отцом еще до войны, – с ней он возился все свободное время.

Вот и сейчас просверлил в вальках весел глубокие отверстия, собираясь заливать их расплавленным свинцом.

Обкладывая банку со всех сторон углями, Сережка солидно объяснял:

– Это для того, чтобы легче было грести. Вес человеческих рук, положенных на валец, равен приблизительно четырем килограммам. А мои лопасти очень тяжелые, надо уравновесить. – Он взял стамеску и молоток. – Ты посиди пока, а я сейчас лунки изнутри расширю, чтобы свинец не выпал, когда остынет.

– Ладно, Сережка!

Юноша ловко орудовал стамеской, вылуцивая со дна просверленных отверстий курчавую стружку. При каждом ударе молотка на его лбу прыгал жесткий чуб русых волос, и лицо становилось сосредоточенным, напряженным.

Разглядывая сына, Ирина Павловна думала:

«Вылитый отец: лоб, глаза и даже губы те же – тонкие, твердые... Видно, будет такой же упрямый и сильный...»

Сережка залил свинцом отверстия в веслах, и дерево теперь шипело и потрескивало, обжигаемое изнутри расплавленным металлом.

Стараясь не хромать, Вахтанг тем временем сходил в прихожую, достал из карманов кухлянки два матово-оранжевых апельсина:

– Это вот тебе, Иринушка, а это вот тебе, Сережка. Как видите, я вас не забываю.

– А тебя, как видно, не забывают в родном ауле?

– Да, опять прислали посылку и письмо. Вах, какое письмо, какое письмо! – повторил Вахтанг, покачивая кудлатой головой, в которой едва-едва проглядывали первые седины.

Отдирая кожуру апельсина, Ирина Павловна улыбнулась.

– После этого письма, – сказала она, – ты, наверное, и выписался из госпиталя раньше срока. Я ведь знаю, что тебе могут писать твои старики, которые даже фотографируются с кинжалами наголо.

Вахтанг подал Сергею осколок от авиабомбы с острыми зазубренными краями:

– Ну, а вот это подарок только тебе. Обнаружен хирургами в моем брэнном теле. Храни. Помни мою доброту.

Старший лейтенант сел на стул, вытянув больную ногу. Ирина Павловна направилась в столовую, и он совсем по-домашнему крикнул ей вслед:

– Если можно, то – чаю!..

За столом, как-то сразу посерьезнев, Вахтанг сказал:

– Плохая весть, Иринушка.

– Что такое?

– Твой «Меридиан» вмерз в ледяной припай у Хайпудырского берега.

Ирина Павловна вздохнула.

– Кому еще налить чаю?.. Ведь я, Вахтанг, уже знаю об этом.

– Мама, неужели ты отложишь экспедицию до весны?

– Буду искать другое судно.

– Вах! – произнес Вахтанг свое обычное восклицание, которым он привык выражать радость, удивление и негодование. – Я знаю, что найти судно для дальних плаваний сейчас почти невозможно. Все суда, какие только можно использовать, нашли себе в войну применение. Ведь не позволят же тебе отрывать их от работы, которая нужна фронту!

– И это я тоже учитываю.

– Мама, пусть институт сам найдет судно.

– А институт ищет судно через меня. Я уполномочена на это. Притом мне кажется, что начальник экспедиции должен делать все сам, начиная от поисков судна и кончая составлением экспедиционных отчетов... Ну ладно! Хватит об этом.

В глазах Вахтанга блеснул озорной огонек. Он резко выпрямился на стуле – он все делал резко и быстро, словно торопился куда-то, – и серьезно взглянул на женщину черными, немного выпуклыми глазами.

– Вспомни о парусе, – сказал он. – Я не даром пришел к тебе...

– Что ты этим хочешь сказать?

– А вот ты слушай. В последнем походе (это было вчера на рассвете) на мой «охотник» навалились сразу три «юнкерса». Что тут было – не рассказать!.. Короче говоря, один с дымом ушел, наверное, так и не дотянул до аэродрома, а другие наш мотор попортили. Пришлось зайти для ремонта в первую попавшуюся бухту, что мы, конечно, и сделали. И в этой бухте... Ира, налей-ка мне чаю!

– Ну, что в этой бухте?

За дверью раздался настойчивый звонок.

– Отец! – вскрикнул Сережка и, обрадованный, кинулся в прихожую, но вернулся обратно не с отцом, а с молодым широкоскулым парнем, от которого исходил крепкий дух ворвани.

– Ты кто такой? – спросил Вахтанг.

– Я? – И парень ткнул себя в грудь пальцем. – Мордвинов я, меня Яшкой зовут... Я салогрей с «Аскольда»...

– Что-нибудь разве случилось? – насторожилась Ирина.

– Не знаю, – ответил Мордвинов. – Прохор Николаевич меня попросил к вам зайти. Сказать, что он сегодня домой не придет. Просил прислать ему полотенец чистых да шлепанцы.

– Хорошо, – кивнула Ирина. – Передайте ему, что я сама зайду сегодня на траулер и занесу все, что он просит... Вы, может быть, выпьете с улицы горячего чаю?

– Нет, – хмуро ответил Мордвинов. – Я не пью горячего чаю, я пью только холодный.

– Может, тогда возьмете пирожок на дорогу. Пирожки очень хорошие.

– Спасибо, – поблагодарил Мордвинов, – но я не ем хороших пирожков. Я ем только плохие...

– Иди, иди, братец, – сказал Вахтанг. – Не хами здесь!

– Разве же я хамлю? – удивился салогрей и спокойно пошел к выходу...

«Какие странные матросы бывают у моего Прохора», – думала Ирина, провожая Мордвинова до дверей. Она вернулась за стол и обратилась к Вахтангу:

– Ну продолжай. Так что же было в этой бухте?

– В этой бухте, – засмеялся старший лейтенант, – стояла шхуна. Но какая шхуна!.. Обожди, Ирина, не перебивай меня, история еще только начинается. Эта шхуна стояла на отмели, подпертая с бортов валунами. Я так и ахнул, когда увидел ее! По легким обводам, высокой корме и другим приметам, которые невозможно передать, а можно только почувствовать, я сразу понял, что это настоящий «пенитель». Пока матросы чинили мотор, я излезил шхуну вдоль и поперек и пришел к неутешительному выводу, что на свете еще есть много дураков, которые раньше времени забыли о парусе. В довершение всего я покажу вам вот это...

Вахтанг протянул Ирине Павловне бумажный пакетик. Когда она развернула его, на стол упали два кусочка дерева: один – темный, другой – более светлый, и оба имели с одной стороны лоснящуюся поверхность, покрытую смолой.

– Что это? – изумилась Ирина.

– Это я выпилил от борта шхуны образцы обшивки. Специально, чтобы показать тебе. Темный – от подводной части, а светлый – от надводной.

Ирина Павловна смущенно сказала:

– Но я ничего в этом не понимаю. Вот смола... она хорошо сохранилась. Значит, сохранилась и обшивка шхуны. Выходит, так?..

Сережка внимательно рассмотрел кусочки дерева, порезал их столовым ножом и даже понюхал.

– Да это настоящая лиственница, – заявил он. – Прочнее трудно найти что-либо у нас на севере. Ведь лиственницу не любит червь-торедо, и она плохо горит... Вахтанг, ты говоришь, шхуна стоит на отмели, а не на воде? Тогда, значит, лиственница выделила на открытом воздухе скипидар, и от этого шхуне не страшна никакая сырость.

– Вот анализ! Молодец, Сережка! – восхищенно сказал старший лейтенант. – Из твоего сына, Иринушка, хороший моряк выйдет... А сейчас ты, не теряя времени, поезжай в рыболовецкий колхоз «Северная заря», оттуда пробеги верст тридцать на собаках до бухты Чайкиной, где и стоит этот «пенитель». Посмотри: годится судно для экспедиции или нет. Вот, пожалуй, и все. Я, откровенно говоря, только затем и пришел сегодня, чтобы сообщить о шхуне. А сейчас мне, – Вахтанг решительно встал, – пора на катер...

И, направляясь к двери, шутливо продекламировал:

– «Пора, пора! Рога трубят...»

* * *

Ирина Павловна застала своего мужа в каюте: ящики письменного стола были распахнуты настежь – капитан раскладывал на полу какие-то бумаги, стоя на коленях.

– Пришла, – улыбнулся он жене. – Я так и знал, что ты придешь... И я очень рад тебе, дорогая.

Он встал перед ней и отряхнул на коленях брюки.

– Ты устала? – спросил он, беря ее за плечи. – Я знаю, что ты устала... Я тоже устал. Был чертовски трудный рейс. И сегодняшней вечер мы проведем вместе. У меня где-то еще завалилась бутылка рома...

– Скажи, Прохор... Мне кажется, что-то случилось!

– Нет, все остается по-прежнему. Меняется только флаг...

– Я не совсем понимаю тебя. О чем ты говоришь?

– Я всю жизнь проплавал под флагом, в углу которого вышиты золотом две скрещенные селедки. Дураки, конечно, никогда не понимали такой романтики – они видели селедку только на столе, под уксусом и с зеленым луком. Теперь я меняю флаг, мой старый добрый флаг, – на новый, бело-голубой, со звездами... Ты поняла меня теперь?

– Не совсем.

– Потом поймешь. А сегодня я хочу, чтобы ты осталась ночевать в моей каюте. Завтра мой «Аскольд» станет кораблем военным, и женщине, пусть даже такой чудесной, как ты, уже будет не место на его палубе...

– Ах, вот оно что! – догадалась жена, сразу как-то изменившись в лице и сильно побледнев.

– Да, вот так, Ирина. Именно так...

Никогда еще они не были так дружны, как в этот вечер. Далеко за полночь они просидели в полутемной каюте, распивая бутылку пахучего рома, и все говорили, говорили, говорили. Потом капитан снял со стены фонарь и пошел проверить отсеки, а Ирина Павловна присела на плоскую жесткую постель мужа и задумчиво сняла туфли...

Вернулся муж и завел часы.

– Уже четверть третьего, – сказал он, – пора спать...

Бухта Святой Магдалины

Вахтанг Беридзе рукавом смахнул с циферблата соленые брызги, посмотрел на светящиеся стрелки часов.

– Четверть третьего, – заметил он и по переговорной трубе передал в моторный отсек: – Старшина, еще оборотов пятнадцать... Да, да, прибавь, пожалуйста!..

Холодное беззвездное небо посыпало вниз мрак и стужу. На какое-то мгновение из-за облаков стремительно вынырнули голубоватые Плеяды, померцали в вышине и снова скрылись в тучах. Только на востоке, не переставая, горела красноватым огнем полночная звезда Кассиопея.

Вахтанг Беридзе стоял рядом с рулевым возле компасного нактоуза, сдирая ногтем с линз бинокля тонкую пленку льда. Мичман Назаров, закутанный до самых глаз в меховую кухлянку, поднялся по трапу на мостик. Он что-то сказал, но шум волн и ветра заглушил его голос, тогда он закричал:

– Товарищ командир! Прошли последний створ, выходим в открытый океан...

– Добро, мичман! – так же громко ответил старший лейтенант и, еще раз посмотрев на плавающую в голубом спирте картушку компаса, спустился с мостика в каюту. Плотной закрыв за собой обрешеченную дверь, он стряхнул с себя воду и достал из ящика пакет. Осторожно срезав ножницами верхнюю кромку, Вахтанг вынул сложенный вчетверо листок прозрачной бумаги. Прочитал:

«Следовать к берегам провинции Финмаркен. Квадрат 143-У. Южная оконечность Зандер-фиорда, бухта Святой Магдалины. Снять с норвежского берега группу наших разведчиков под командой лейтенанта Ярцева, числом 14 человек. С рассветом вернуться на базу».

Прочитал и по переговорной трубке приказал на мостик:

– Курс – двести девяносто. Встреч с кораблями избегать. Скорость – прежняя.

Мичман повторил приказание. В незакрытую трубу было слышно, как поскрипывает штурвал под руками рулевого, как с шипением расплзаются по палубе волны.

Уже неофициально Назаров заботливо спросил:

– Ну как, Вахтанг, нога все болит?

– Болит, – поморщился Беридзе.

– Рано ты, командир, из госпиталя ушел.

– Ничего. Мостик у нас такой узкий, что ходить почти не приходится. Я сейчас прилягу.

– Конечно. Вздремни до самого главного. И будь спокоен...

Прежде чем лечь, Вахтанг спустился в моторный отсек. В тесных проходах, между двигателем и бортом, расхаживали одетые в синюю нанку подтянутые мотористы. Кладя руку на теплый кожух двигателя, Вахтанг глазами подозвал к себе старшину:

– Как подшипники? Ты жаловался, что перегреваются!

– Все в порядке! – прокричал ему в ухо старшина. – Дело в подаче смазки... Работают теперь, как хронометр!

– Ну, ну! – Старший лейтенант похлопал моториста по плечу и добавил: – Передай своим ребятам, чтобы вели себя построже. Дело сложное... Что? Я говорю – дело сложное! Понял?..

Потом он прошел в кубрик. Очередная вахта готовилась идти на посты сменить своих товарищей. Катер бросало из стороны в сторону, и матросы, балансируя и хватаясь за тонкие пиллерсы, натягивали на себя непромокаемые штаны и куртки. Синий маскировочный свет мертил обстановку моряцкого жилья, делая ее какой-то призрачной и таинственной.

– Куда идем, товарищ командир?

– А вот за тем и пришел, сейчас расскажу... Помните, мы как-то уже снимали лейтенанта Ярцева? Такой пониже меня ростом, все больше молчит, на лицо худущий... Так вот, он сейчас выходит со своей группой к бухте Святой Магдалины. Наше дело, ребята, такое: побыстрее убрать их с чужого побережья – и домой... Не так уж и трудно, если ничего не случится...

В кубрик спустился по трапу боцман Чугунов, налил себе полкружки клюквенного экстракта, добавил воды, выглотал единым махом. Опять запахнул капюшон, признался:

– Мутит меня что-то. Как только какавы попью – так и мутит. От водки – ничего, а вот от какавы – беда прямо...

– Ты, боцман, – предупредил его Вахтанг, – особенно-то не разгуливай. Войдем в фиорд – из турели не вылезай: всякое может быть...

Вахтанг вернулся в свою каюту. Качка усиливалась. В рукомойнике звонко плескалась вода. Мокрый реглан, висевший на косяке двери, порой прилипал к переборке, порой, отрываясь от нее, повисал в воздухе. Носовая стенка каюты взлетала влево и вправо, – казалось, что море ставит ее то на один, то на другой угол.

Вжавшись в узкий простенок каюты, Вахтанг лег на койку. Сон долго не приходил. Мысли сменяли одна другую, набегая, как неторопливые волны. Тогда единым напряжением воли он приказал себе: «Спать!»

И старший лейтенант заснул, как умеют спать только командиры военных кораблей, – чутко и настороженно, готовый в любой момент вскочить и броситься на мостик. От такого сна отдыхало лишь одно тело, а мозг продолжал работу, воспринимая шумы волн, посвисты ветра, перебой моторов – все звуки, поступающие в каюту через тонкую переборку.

Но все-таки это был сон, и когда через час Вахтанг поднялся на мостик, он чувствовал себя свежо и бодро.

* * *

Глубокой ночью «морской охотник» вошел в пустынный Зандер-фиорд. Дикие голые скалы уходили в море отвесными стенами, и с их подножий свешивались длинные бороды морской капусты. В далеком ущелье выл одинокий полярный волк, поджидая свою подругу. Небо уже заметно просветлело, но звезды сияли по-прежнему холодно. Бегущие с черных вершин родниковые ручьи тонкими струями падали с утесов в море, и над местом их падения клубился морозный пар.

– Смотрю я на них, смотрю...

– Куда, командир? – не понял мичман Назаров.

– Да на горы эти. Нет, думаю, не похожи они на Кавказские. И еще думаю иногда, мичман: увижу ли я когда-нибудь свои горы?

– А ты не думай, командир. Плюнь, – посоветовал Назаров. – Я тоже газеты читаю. Не меньше твоего, командир. Любой дурак понимает, что Гитлеру скоро – амба!

Боцман Чугунов поддержал разговор из своей круглой турели, откуда торчали его голова в шлеме и два острых рыльца пулеметов:

– Он – гад живучий! Сколько еще народу перегробить надобно, пока мы его из подвала вытащим! Я вот, товарищ командир, море очень люблю. А иногда солдату завидую. Ведь он, двуногий, до самого Берлина дойдет. Да еще, стервец, портянки свои в Одере постирает. Как раз на том бережку, на котором Геббельс любил мечтать в лунные ночи!..

– Ну ладно, – приказал Вахтанг, – теперь разговоры отставить. Смотреть внимательно!..

Катер, держась теневого берега, медленно продвигался в глубину норвежского фиорда. Команда стояла возле орудий, готовая мгновенно отразить любое нападение с берега. Тихо разговаривали люди, тихо стучал выхлоп мотора, предусмотрительно опущенный в воду; совсем тихо, ударяясь о борт «охотника», звенели рассыпчатые гребешки волн. И в этой настороженной тишине, казалось, было слышно, как гулко стучат матросские сердца...

В бухте Святой Магдалины старший лейтенант разглядел песчаную отмель и подвел к ней свой катер. «Охотник» мягко ткнулся форштевнем в песок. От самой отмели начинался подъем в гору. Постепенно расширяясь, он заканчивался пологой равниной, блестящей при лунном свете плоскими обломками горного кварца.

– Наверное, – подумал вслух мичман, – они придут отсюда. Самое удобное место...

Прислушавшись к тишине, прерываемой плеском воды, Вахтанг тихо свистнул, как свистят болотные птицы, – тонко и печально. Он уже не раз снимал с вражеского берега разведчиков и знал, что на этот свист из тьмы выйдет человек... потом другой... третий... и молчаливой цепочкой разведчики спустятся на катер.

Но сейчас этого не случилось. Тогда старший лейтенант свистнул еще раз – уже громче.

И снова – никого...

– Еще не пришли, – шепотом сказал Назаров. – Наверное, задержались.

– Ждать надо, – так же шепотом отозвался из пулеметной турели боцман.

И стали ждать. Волк теперь выл где-то совсем рядом, за ближней сопкой, и от этого надсадного голодного воя всем было как-то не по себе. Старший лейтенант, разминая больную ногу, нервно ходил по мостику и часто смотрел в небо. Приближался хмурый предрассветный час, и звезды, уже готовые померкнуть, едва сверкали.

Волнение ожидания передалось и в нижние отсеки; мотористы, откидывая люк, спрашивали:

– Нету еще? Вот штука... Неужто погибли ребята?..

– Пора бы нам уже и удочки сматывать, – осторожно подсказал Назаров. – Дальше оставаться никак нельзя.

Вахтанг взглянул на часы:

– Да, надо уходить. Ярцева я знаю – он вояка опытный, и коли не пришел вовремя, значит... Значит – ждем полчаса. Еще полчаса, и потом заводим моторы!..

И вдруг боцман Чугунов сорвал с головы шлем, высунулся по пояс из турели, настороженно прислушиваясь.

– Кажется, идут, – сказал он.

Теперь уже все слышали далекую пулеметную очередь. Кто-то стрелял, не жалея патронов, и пулемет захлебывался, точно задыхающийся от бега человек. Потом до слуха отчетливо донесся глухой раскат гранатного взрыва.

– Это они! – радостно вздохнул мичман. – Выходит, что прорываются...

Стрельба разрасталась. Ветер, кружась в горах, разносил по лабиринту ущелий гулкое обвальное эхо. Бой стремительным клубком подкатывался к бухте Святой Магдалины.

– Завести моторы! – приказал Вахтанг в машинный отсек и, вцепившись в поручни мостика, всем телом вытянулся по направлению выстрелов.

Там, в сопках, разведчики вели бой, а он ничем не мог им помочь. Оставалось одно: ждать, пока они сами не прорвутся к нему.

И они – прорвались!

Сначала на берегу показался один человек. Он бежал к воде, припадая на раненую ногу, опираясь на ствол ручного пулемета. Матросы втащили его на палубу вместе с рюкзаком и оружием, и он, яростно отплевывая соленую воду, сообщил:

– Сейчас придут... Один остался там... для прикрытия... Ну, влипли! Перед самым концом нарвались на егерей... Думали, просочимся... Черта с два!..

И, лязгнув зубами, он почти жалобно простонал:

– Хо-а-дно...

Его отнесли в кубрик, а следом за ним, спотыкаясь о подводные камни и неся на вытянутых руках оружие и раненых, подходили к «охотнику» остальные. Их посиневшие, распухшие от мороза руки цеплялись за борт катера, и разведчики тяжело переваливались на палубу, оставляя на чистых досках следы грязи и крови.

Их было тринадцать. Один, четырнадцатый, остался в сопках и продолжал вести неравный бой.

Разведчики в нетерпении топтались на корме катера, прислушиваясь к эху, которое доносило грохот взрывов и затаенное пулеметное клюканье.

На палубе слышались возбужденные голоса:

– Короткими бьет, патроны жалеет...

– Я ему, братцы, успел два диска свои отдать...

– Прорвется, он парень бывалый...

– Это как сказать, пуля не разбирает...

– Ага, длинную выпустил...

– Видать, прижали его, сволочи...

– Ничего, он тоже не в дровах найденный: прорвется!..

– Эх, черт возьми, я пойду к нему...

– Стой, дурак: ему и без тебя тошно...

Все ждали.

Стрельба медленно, но упрямо приближалась к бухте. Четырнадцатый задержал егерей на подступах к фиорду и, навязав им неравный бой, теперь пробивал себе дорогу к морю!..

И вдруг наступила тишина. Сначала никто не хотел ей верить. Казалось, огласись скалы прежним громом боя, и все разом вздохнули бы, облегченно и радостно. Но над фиордом стояла тишина – настороженная, давящая, заунывная.

– Всё! Погиб, – сказал мичман.

Тогда один разведчик подскочил к борту и, бешено дернув затвор автомата, высадил вверх целый диск трассирующих пуль – огненной лентой вытянулась трасса вдоль серебристой долины.

– Костя-а-а! – закричал он. – Никоно-о-ов!..

Скалы молчали. Только сонно шумели ручьи, волны с тихим шорохом перебирали на отмели гальку да шумели на ветру голые сучья кочкарника...

К Вахтангу, чуть пошатываясь, подошел разведчик в сером ватнике, с покоробленными от сырости полевыми погонами офицера. Это был командир группы – лейтенант Ярцев.

Потрогав забинтованную голову, покрытую ржавыми пятнами крови, он глухо сказал:

– Можно отходить... Сержант Никонов прикрыл отход!..

«Я не смертник!..»

В такие моменты лучше всего думать о постороннем.

Но послушай-ка, приятель: что ты можешь назвать посторонним? Ведь эта жухлая травинка, что качается у тебя перед глазами, – разве она еще не принадлежит тебе? А эти горы, с которых несутся бешеные мутные ручьи, – ты еще вчера пил из них ледяную воду. А там, за тобою, совсем рядом, шумит твое море, – ты столько раз пропадал в его просторах и снова возвращался обратно...

Было тихо и грустно.

– Эй, немец! – вдруг крикнул Никонов со злостью. – Ну, иди сюда... где ты застрял там?..

В ответ несколько длинных очередей, скреживаясь над его головой, прошли и разошлись, треща и присвистывая. Послышался лай собак. «Собаки, – подумал сержант, – это, пожалуй, хуже...»

Порыв ветра качнул перед ним одинокий стебель травы, Никонов осторожно протянул руку, сорвал и куснул горький стебелек. Ему почему-то захотелось делать сейчас самые простые вещи... Хотелось бы посидеть за добротным столом, выкурить хорошую папиросу, поговорить по телефону или же просто полежать на мягкой постели...

Никонов дожевал травинку до конца и вдруг вспомнил, что там, на Большой земле, в связке его документов осталась одна фотография: Аглая, такая милая и такая юная, сидит в белом платье на ворохе сена и грызет соломинку. Когда это было? Да совсем недавно. Они снимали дачу под Петергофом, он приехал к жене в отпуск, и, кажется, именно тогда они ждали ребенка...

«Семь... девять... одиннадцать... пятнадцать», – он на ощупь пересчитал патроны: негусто. Правда, есть еще одна граната-лимонка страшной разрывной силы, а сбоку на поясе – широкий неразлучный кинжал.

Светало...

Да-а, на этот раз, кажется, ему не выбраться отсюда живым. Когда сержант услышал приглушенный рокот моторов уходящего «охотника» и понял, что теперь товарищи будут живы, он вздохнул. Вздохнул так облегченно и радостно, как хотели вздохнуть те тринадцать, что ждали его.

В этот момент разведчик ощутил всем сердцем величие скупого мужественного слова «долг» и одновременно с этим почувствовал тревожное беспокойство. Раньше ему казалось: лишь бы прикрыть отход, а погибнуть будет легко и не страшно.

Но сейчас, когда он остался один на один – «баш на баш», как говорят матросы, – со своей смертью, ему сделалось не по себе. Это был даже не страх, а лишь неистовое желание жить, которое заставляло его пригибать голову под свистом пуль, плотнее вжиматься в землю.

Жить! Вот именно сейчас, когда все дороги к жизни были отрезаны: впереди – взвод горных егерей, позади – крутой обрыв в море.

Никонов обложился камнями, еще ниже надвинул на лоб каску. В узкую щель между кварцевыми плитами вставил ствол автомата.

Хотелось курить. Взяв в зубы трубку, Никонов долго сосал ее, глубоко втягивая небритые щеки, испаранные колючим кустарником. Но даже от одного только запаха прогоревшей махорки закружилась голова.

Не выпуская изо рта трубки, сержант пристально наблюдал за местностью. Горные егеря, обозленные неудачей, засели за грядой обомшелых валунов и, прекратив стрельбу, изредка кричали в его сторону:

– Рус, капут!.. Смертник, здавайс!..

– Я не смертник! – отвечал им Никонов. – Идите-ка вы все... знаете – куда?

Со стороны немцев слышался смех, они о чем-то громко переговаривались, потом один шюцкоровец с чухонским акцентом стал приглашать его к себе:

– Эй, москаль, тебя все бросили! Кончай стрелять, иди к нам, будем пить кофе... Не надо стрелять!..

Пользуясь минутным затишьем, из теплой норки деловито выполз желтобрюхий лемминг. Маленький земляной зверек посмотрел на человека черными бусинками глаз, и, очевидно решив, что это так и нужно, стал усердно ковырять в ухе лапкой. Потом сел на холмик свежерытой им земли и, сложив на брюшке лапки, начал покачиваться в дремоте. Точь-в-точь как тот обыватель, который, плотно пообедав, выходит посидеть на лавочке перед своим домом.

Никонов вдруг вспомнил, как в детстве он ловил таких животных, – правда, не леммингов, а степных сусликов. Заливая водой норки, он терпеливо ждал, когда зверек выползет наружу – мокрый, жалкий, задыхающийся.

И, точно желая искупить грехи своего детства, Никонов тихо сказал:

– Иди домой, дурачок. Стрелять буду.

Зверек испуганно блеснул бусинками глаз и, дернувшись толстым задком, исчез в норке. Теперь оттуда, изнутри, летела земля – лемминг поспешно закапывал вход в свое жилище.

И когда он уже покончил со своей работой, снова затараторил немецкий пулемет. О стальную каску застучал взметенный пулями щебень, кварцевые крупинки, высеченные из камней, больно стегнули по лицу...

«Здесь не вылежишь уже ничего – пора отходить!»

Никонов методично выпустил восемь пуль. Потом, извиваясь ужом, отполз в сторону и выстрелил еще два раза. На мгновение оторвав голову от камня, сержант увидел, как залегли егеря, и тогда начал отступать, вжимаясь в ущелье.

Ущелье постепенно сужалось, и разведчик уже не шел, а протискивался боком между скалами, цепляясь руками за каждый выступ.

Скоро он услышал тяжелое дыхание и скрип альпийских шипов. Показался егерь. Никонов выстрелил и, не оглядываясь, стал протискиваться дальше. Своды каменного коридора неожиданно раздались, и разведчик уловил шум воды.

Через несколько минут он уже выбрался на берег горной реки. Прыгая по ступенькам скал, вся в белой пене, река с разбегу рушилась в море. И, глядя, как она разбивается на мириады брызг о прибрежные пахты, сержант понял: к морю не пройти...

Тогда он пошел вверх по течению реки. Река постепенно смиряла свой бег, текла сравнительно плавно. Крутые гранитные массивы вплотную обступали ее узкое извилистое русло, и Никонову иногда приходилось брести по колено в воде, преодолевая сильную быстрину. От воды поднимался пар, превращаясь в липкий плотный туман, и чем дальше шел Никонов, туман становился все гуще и гуще, как тесто.

До слуха долетали нестройные крики егерей, плеск воды под ногами, удары прикладов о камни. В одном месте над протоком свешивались сросшиеся в густое гнездо кусты

рябины. Красные гроздья переспелых ягод казались необычными цветами, растущими прямо из тумана.

Никонов спрятался за рябинником, наблюдая, как в плотных облаках пара вырастают фигуры егерей. Боязливо сбившись в кучу, немцы остановились в нескольких метрах от него и стали тихо совещаться между собою.

Никонов достал гранату, прислушался.

– Какой туман!.. – протянул один егерь. – Курт, а Курт, ты что-нибудь видишь?

– Нет, ничего.

– А ведь если этот красный уйдет, нам здорово достанется от оберста³!..

Егеря замолчали. Шумела река. Пели наверху птицы. Волны бежали неторопливо, спокойно.

Было страшно...

Наконец, не выдержав этой давящей тишины, немцы стали стрелять в воздух, прерывая выстрелы криками:

– Communist halt! Смертник, здавайс! Hande hoch, смертник!..

Никонов выдернул кольцо лимонки и, выждав мгновение, широко размахнулся для броска. Рвануло грохотом и свистом.

Ломая кусты на скалах, откуда-то сверху свалился камень. Вода замутилась, стала желтой...

Не давая немцам опомниться, сержант выстрелил последний раз и бросился дальше, вверх по течению. Навстречу ему неслись потоки мутной пены, колючие кустарники хлестали в лицо, а он все бежал и бежал, пока река не обмелела и не превратилась в тихо журчащий ручей. Здесь тумана уже не было, только легкий пар висел над водой. Теперь прямо перед сержантом вставала крутая скала. В громадных валунах, образовавших подножие этой скалы, едва слышно звенел родник, а там наверху – высоко-высоко, в просвете туманов – заманчиво голубело небо.

Никонов устало опустился на колени и жадно припал к роднику. От ледяной воды тупой болью сковало зубы.

Но вдали снова раздались голоса егерей. Погоня, погоня – она шла за ним по пятам...

Тогда в каком-то безумном отчаянии разведчик вспрыгнул на первый валун, уцепился за висевший над головой куст, влез на каменный выступ и начал упрямо взбираться на скалу.

Камень за камнем, карниз за карнизом. Ноги скользили, обдирая ползучий мох. Руки повисали в воздухе, вырывая с корнем чахлые растения.

А он все лез и лез – к самому небу, и под ним быстро росла черная впадина пропасти...

* * *

Когда Никонов остановился, чтобы перевести дух, долина реки белела внизу узенькой туманной ленточкой, а вокруг высились вершины сопки, и стояла такая тишина, какая бывает только в горах, – тишина, прерываемая одним лишь гудением ветра.

С каждым метром скала становилась глаже и обточеннее. Меньше встречалось расщелин и карнизов. Но, цепляясь за каждую выбоину, за каждую складку в камнях, Никонов полз все выше и выше.

Неожиданно с плеча сорвался автомат и полетел в бездну, увлекая за собой сначала мелкие, потом все более крупные камни. Когда грохот обвала замер, сержант висел над пропастью, втиснув в расщелину носок сапога и цепляясь за скалу одними концами пальцев. От страха свело лопатки, дыхание стало коротким, прерывистым. И одновременно с этим разведчик ощу-

---

³ Оберст – полковник (нем.).

тил в своем теле необыкновенную усталость, каждый мускул трепетал от слабости, нестерпимо болели лодыжки ног, тупой болью ныли изуродованные о камни руки.

Никонов посмотрел вниз: глубокая впадина ущелья зияла под ним, клубясь туманом, а сама скала походила сейчас на гигантскую этажерку с бесчисленным количеством полок. Из бездны пахло холодной сыростью, и легкая тошнота подступила к горлу.

Никонов поднял голову кверху: посеревшее небо висело над ним, как никогда близкое и угрюмое. Вершина скалы была всего в каких-нибудь десяти метрах, но разведчик сразу понял: эти метры будут стоять всего того, что осталось позади.

Теперь сержант заранее обдумывал и выверял все движения рук, ног и даже пальцев. Самое главное – пальцев!.. Посиневшие от напряжения, сочащиеся кровью, с ободранными ногтями, они цепко хватались за неприметные бугорки.

Увлеченный работой, Никонов даже не заметил, как на самый гребень скалы вышел полярный хищник – белоплечий орлан, поднятый из гнезда звоном стали о камень. Орлан был стар: он уже несколько лет одиноко жил на этой вершине, не в силах разбойничать над океаном, и, выслеживая редких гагар и чаек, терпеливо ждал своей смерти.

Проковыляв по краю обрыва, орлан остановился и, склонив голову с горбатым клювом, долго следил за человеком строгим, не по-птичьему внимательным взглядом. И, увидев орлана, Никонов сразу возненавидел эту птицу, но не потому, что она была хищной, а за то, что у нее есть большие сильные крылья, и она не боится, как он, сорваться в бездну.

Когда до гребня скалы оставалось уже метра три, сержант увидел над головой узкую трещину в доломите. Собрав силы, он дотянулся до этой щели и глубоко всадил в нее тесак. Нож сел плотно и крепко. Теперь, если только удастся встать на торчащую рукоятку, можно дотянуться до гребня.

Прилипая к скале, как ползучее растение, Никонов изловчился, рванулся кверху и... даже не верилось, но он встал коленом на рукоять. Готовясь к последнему, решительному рывку, сержант лихорадочно думал: «Только бы выдержали ноги... Только бы не сломалось лезвие...»

Орлан беспокойно прошелся по краю обрыва, расправляя саженные крылья, и вдруг закричал дико и страшно, точно в его горле бурлила вода: «Кле-клег-ррл!.. гррл! Кле-клеклак!»

Никонов медленно поднял руки, и его пальцы беспомощно зацарапали камень, не доставая до гребня. Что-то хрустнуло под ногой. Тогда, отчаявшись, Никонов оттолкнулся от ненадежной опоры и, ухватившись за острый гребень скалы, повис...

Он повис над пропастью, собирая в руках остаток сил, потом подтянулся, занес ногу и с трудом перекинул через гребень свое измученное тело.

Так они и сидели некоторое время на голой обветренной вершине – орел и человек...

Сидели – рядом.

Господин во фраке

Я не помню, значится ли имя Х. фон Герделера в числе военных преступников, но это и не столь важно сейчас. Об этом человеке, судьба которого весьма тесно связана с судьбами наших героев, следует рассказать подробнее.

Войсковой инструктор по национал-социалистскому воспитанию Хорст фон Герделер до 1942 года отличался от своих сподвижников лишь чрезмерной жестокостью, которую он сам любил объяснять «фанатической верой в дело фюрера». Скромный майор сделал себе карьеру на второй год войны с Россией, когда приехал в оккупированную Норвегию.

Норвежцам, этим заядлым спортсменам, тогда еще очень хорошо был памятен рекорд советского конькобежца Мельникова, который перед войной посетил Норвегию. И фон Герделер решил ударить именно по этой национальной черте оккупированного народа – по их

любви к советскому чемпиону: он объявил, что Мельников перешел на сторону Германии и в рядах власовцев героически сражается против коммунизма. Войсковой инструктор тогда же был замечен и произведен в звание оберста. Он считался незаменимым там, где требовалось добиться успеха любыми средствами.

Будучи энергичным, неглупым и решительным, фон Герделер не чуждался никакого дела: боролся с саботажем на селитровых заводах Норск-Гидро, выжимал контрибуциями из городов последние соки, эвакуировал рыбацкое население подальше от моря, от простора, от свободы...

Карьера его стремительно шла по восходящей линии, и немецкий рейхскомиссар в Норвегии генерал Тербовен (или попросту Бовен, как его звали, что в переводе с норвежского означает «вор») уже не раз предупреждал своего любимца:

– Оберст, никогда не прыгайте по лестнице сразу через три ступеньки. Я понимаю, что вы – мастер в одурачивании людей, иначе я бы вас не уважал, но у вас много завистников... Не споткнитесь, падать всегда больно!..

Фон Герделер еще полгода проработал в Осло и сам того не знал, что гестапо давно подкапывается под него, – примитивным мясникам претила хитроумная «работа» этого инструктора: он просто мешал их славе. Последнее, что успел сделать оберст в Осло, это посадить в прусский концлагерь «лес богов» – весь цвет норвежской интеллигенции: профессоров, педагогов, редакторов газет и врачей; так, казалось ему, в Норвегии будет спокойнее. Он сам учился когда-то в университете, но мантии судьи предпочел мундир рейхсвера и к людям умнее себя всегда относился с некоторым подозрением...

Наградой ему был Железный крест с дубовыми листьями, но завистники из «политише абтайлюнга» все-таки его допекли, и Тербовен был вынужден распрощаться со своим талантливым учеником.

– Я же тебя предупреждал, сынок, – заявил наместник. – Ты не послушался меня, старика... Теперь придется поддержать тебя на льду. Будь любезен отправиться в Швецию – на рудники в Элливарре. Будешь работать там на легальном положении. Сиди в этой тихой стране тихо, не умничай. Пусть о тебе немного забудут. Потом я тебя оттуда вытащу...

Нейтральная Швеция питала своей железной рудой военную машину Германии. День и ночь через границу с Норвегией громыхали тяжелые черные платформы, а в банки шведских капиталистов текли тусклые слитки золота, и в этих слитках были сплавлены воедино и обручальное кольцо невесты, и золотая челюсть замученной в гестапо старухи. Фон Герделер в качестве легального агента, под маркой опытного горного инженера, должен был следить за бесперебойными поставками железной руды из Кируны в Нарвик: оттуда руда отправлялась в третью империю уже морем.

Присмотревшись к делу, фон Герделер заметил, что его предшественник был большим ротоземом. Заручившись помощью крупного юриста, оберст перерыл все пункты торговых соглашений со шведскими предпринимателями, и скоро вагоны с рудой уже не успевали разгружать в Нарвике.

Оберст был достаточно сообразителен и действовал различными путями – недаром одурачивание людей было его профессией. Однажды поток руды в Германию остановился, и тогда фон Герделер выкинул такой ход: он задержал перевод платежей на банк в Стокгольме и тут же обручился с дочерью главного обладателя всех рудничных акций. Запруду из груженных составов словно прорвало, на путях к Нарвику даже образовалась «пробка».

Однако портить отношения со шведами фон Герделер никогда не желал: купив за городом зимнюю дачу, он часто устраивал на ней приемы и первым вставал с бокалом вина в руке, предлагая тост за шведского короля. Он пошел еще дальше: о Гитлере стал отзываться с некоторым пренебрежением, рассказывал пикантные анекдоты из личной жизни главарей национал-социалистской партии (а он их знал немало), и это нравилось шведам.

Молодой, полный сил и напористый, оберст сразу оказался и здесь на своем месте: вскоре он добился разрешения обращаться к министру Дарре со всеми вопросами уже лично, через головы его чиновников.

– Я понимаю вас, шведов, – с грустью разглагольствовал иногда фон Герделер. – Ваша страна – образец классической государственности. Именно так я и хотел бы прожить свою жизнь. – И он вздыхал, покручивая обручальное кольцо на пальце. – Поверьте, что мне страшно за мою Германию... Только здесь, в вашем кругу, я понял, какое это счастье – выпить утром стакан парного молока, выкупаться в озере и разводить потом под окном тюльпаны. И не знать, что где-то война...

И богатая вдова Канна Мунк, явно влюбленная в молодого нациста, частенько восклицала с восхищением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.